

Е. Доброва

Фамильные ценности

Елена Александровна Доброва
Фамильные ценности
и другие рассказы

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725569

Фамильные ценности и другие рассказы. /Елена Доброва: Пробел-2000;

Москва; 2013

ISBN 978-5-98604-389-0

Аннотация

В этих рассказах, как в стеклах чужих окон, мы можем увидеть свое отражение...

Содержание

Фамильные ценности	4
1. Боря, Бетти и Суламифь	12
2. Наследники	37
3. Наследство	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Елена Доброва

Фамильные ценности

и другие рассказы

Фамильные ценности

Думаю, что мне уже никогда не удастся до конца разобраться в переплетениях нашего ветвистого фамильного древа. В молодости, присутствуя при разговорах старших, я

всегда поражалась тому, как легко мои тетушки и дядюшки понимали, о ком шла речь. «И что Дима? – Ну, что Дима – он запретил Димке даже думать об этом, а тут еще Димочка подлил масла в огонь» или «Как там дела у Натальи? – Ты знаешь, неплохо. Мне вчера Наташа звонила, она была у нее на днях. Говорит, Наталья успокоилась, больше с Наташкой не конфликтует, но Натуля все же предпочитает жить отдельно». Лучше всех в родственных связях ориентировались мои бабушки. Они точно знали, кто чей внучатый племянник и кто кому троюродный брат по отцу. Сейчас, когда я сама уже почти перешла в старшее поколение, я понимаю, что совсем не трудно помнить своих братьев и сестер, их жен и мужей, а также детей, а потом и внуков. Мне, например, все понятно про моих родных – сверстников, и когда я слышу, что Ирин Мишенька собрался жениться или Вадим перешел на новую работу – я воспринимаю эту информацию не абстрактно. Но когда речь заходит о тете Лизе, или дяде Матвее, я, ей-богу, к стыду своему не могу вспомнить, какие именно родственные линии связывают их со мной. Сколько раз мои бабушки пытались приобщить меня к истории семьи, но я с необъяснимым детским упрямством сопротивлялась, предпочитая наряжаться в их длинные платья и примерять старомодные туфли и шляпки. Помню, как-то моя бабушка Ангелина терпеливо дала мне возможность напялить на себя все ее кружевные накидки, бусы и броши и затем, напустив на себя строгость, усадила меня за большой дедов письменный

стол, на котором уже были приготовлены альбомы с фотографиями. «Ну что, шамаханская царица, давай посмотрим, помнишь ли ты, что я тебе рассказывала в прошлый раз». «Бабуля, давай лучше поиграем», – заныла я. «Нет, Милаша, ты должна знать свои корни, это обязательно». Дед, присутствуя при этой сцене, пытался мне потворствовать. «Галинька, ну может...» «Нет, не может», – безжалостно пресекла его бабушка. – Марк, я тебя не понимаю. Милаша уже достаточно взрослая девочка, чтобы быть в курсе истории своих предков. Тем более, что это были люди очень достойные, которыми можно только гордиться, и они заслужили, чтобы их правнуки о них знали». После такой отповеди дед развел руками. «Милаша, бабушка права. А мы с тобой – нет». Как я жалею сейчас о тех безвозвратно утерянных подробностях, которые не задержались в моей беззаботной детской памяти. Бабушка не вела дневников, не сохранила писем. Впоследствии кое-что мне рассказала мама, и это помогло хоть как-то восстановить отдельные фрагменты полотна.

Моя бабушка с маминой стороны, Ангелина Владимировна Миладо-Домбровецкая сначала вышла замуж за Эварда Жуковского, и у них родилась дочь Таисия. В 1922 году бабушкиного мужа арестовали, и вскоре он был расстрелян, ему было всего сорок лет. А Таисии было двенадцать. В 1927 году бабушка вышла замуж второй раз – за врача Марка Эмануиловича Бергера, то есть за моего деда, с которым она прожила до глубокой старости. В 1928 году появилась на

свет моя мама. В 1933 Таисия вышла замуж за эстонца Мартина Тамма. Когда в 1938 году он был арестован и приговорен к десяти годам лагерей, Тая сначала многократно пыталась доказать, что это ошибка и недоразумение. Многие отговаривали ее, объясняя, что это совершенно безнадежно и, главное, опасно. Но она записывалась на прием к разным следователям и прокурорам, писала письма. Ничего не добившись, Тая повела себя, как декабристская жена – она поехала в Казахстан, к мужу в лагерь. Там после многих мытарств ей удалось снять угол и устроиться на работу – то ли в библиотеку, то ли в школу, то ли в какую-то контору. Это не давало ей возможности часто видеться с Мартином, но он знал, что она рядом. Бабушка с мужем поддерживали ее, как могли. Кончилось это тем, что в 1943 году Марка Эммануиловича тоже арестовали, и он по невероятной случайности оказался в том же лагере, что и Мартин. Бабушка с моей мамой сумели эвакуироваться – им помог дедушкин друг, тоже врач, Павел Григорьевич Ильинский, который положил маму к себе в госпиталь, потому что у нее было очень тяжелое воспаление легких. А бабушку он каким-то образом тоже умудрился устроить в острое инфекционное отделение с подозрением на желтуху. Это спасло бабушку от ареста. Потом госпиталь был эвакуирован и таким образом мама с бабушкой оказались в Оренбурге. Павел Григорьевич помог бабушке с работой – устроил ее санитаркой в госпиталь. В Оренбурге бабушка познакомилась со многими людьми, эва-

куированными из разных городов. В том числе с четой Крепковых, Алексеем Васильевичем и Анной Моисеевной. Алексей Васильевич преподавал в военно-инженерном училище, которое было эвакуировано из К. в Оренбург. Анна Моисеевна работала в школьной библиотеке. Их сын Миша, инженер, работал в каком-то закрытом предприятии – он был специалист по связи. Потом, уже в 50-х, дед Марк Эммануилович был реабилитирован, и мамины родители стали жить в Москве. Моя мама к тому времени была уже молодой вдовой – ее муж трагически погиб – его сбил грузовик. Мама очень тяжело пережила это, но внешне держалась стойко – вокруг было столько смертей на фронте и в лагерях, что еще одна ни у кого не вызывала особого отношения. В 1957 году мама случайно на улице встретила Анну Моисеевну. Выяснилось, что они с Алексеем Васильевичем теперь живут в Москве. Мама взяла их телефон, и бабушка вскоре пригласила старых друзей в гости. Они пришли втроем с сыном Мишей, который приехал к ним в командировку. Так мама познакомилась с моим будущим отцом. Впоследствии он переехал в Москву. Они с мамой поженились, и через год, в 1959-м году родилась я.

* * *

Я вспоминаю, как каждый раз, когда я, уже взрослая, приезжала к бабушке Ане, она, накормив меня до отвала «Ба,

я не могу больше. – Но ты же ничего не съела! Свежайший бульон!», доставала старый раздутый альбом с фотографиями и усаживалась на диван. «Сейчас я тебе кое-кого покажу, ты ведь любишь смотреть карточки». Сначала она отдавала дань памяти дедовым родственникам. Это вот дедушкина мама Галина Ивановна. А это его отец Василий Игнатьевич, а вот они все тут – дедушкины братья Петр, Виктор и Николай, и сестра Варвара. И дальше следовал рассказ о них всех, которые после войны разъехались по всей стране от Волги до Казахстана. Надо отдать бабушке должное – она всегда радушно принимала у себя всех дедовых родственников, даже самых дальних, и всегда была с ними приветлива, хотя в их небольшой хрущевке было довольно тесно. Когда ее спрашивали «как ты это терпишь?», она отвечала – «это ведь Алешины близкие люди. Я не могу им отказать». Даже если она была недовольна, она никогда и никак это не обнаруживала.

Потом бабушка брала другой старый раздутый альбом и с наслаждением приступала к рассказу о своих родственниках. Вот это твой прадед Моисей. А это его братья Нума (Наум), Соля (Соломон) и Маня (Эммануил), ах, какие красавцы. А какие умницы! Между прочим, все кончили гимназию с отличием. А потом и университет. Ты знаешь, что такое для еврея в то время... Я помню, как они шутили на латыни. Ты когда-нибудь слышала? Я помню, дядя Маня... «Ба, а это кто?» – отвлекала я ее. – «Это? Это же твоя прабабушка

Роза, всем нам на долгие годы. Все восхищались ее профилем, а художник Ося Рабкин, он жил недалеко от нас, прекрасно рисовал, так во время войны он пошел добровольцем на фронт и погиб, евреи ж не воевали... А его жена сохранила все его рисунки и после войны хотела отдать в музей, так ее еще до того посадили. Такая была женщина, я хорошо ее помню. А это Муся, жена Соли. Или нет, постой, это Рита. Или Муся? Да, Муся, вот Рита. А это дядя Миня, муж Риты. А вот их старший сын Сеня, где-то здесь должна быть фотография их младшего сына, Ленечки. Очень талантливый мальчик. А это знаешь кто? Ты должна знать, это же Фридошка. Мамина самая младшая сестра. Мы очень дружили. Она умерла от пневмонии, ни про кого не будет сказано. Тогда ж не лечили. Не было пеницилина. А вот Венечка Коган, муж Фриды. Он долго переживал, не женился. А потом, ему уже было за пятьдесят, все же женился на врачихе. А эта врачиха, тоже интересно...

Далее шла подробная история врачихи, причем на каждое действующее лицо этой истории приходился отдельный рассказ с деталями. Через час мы с бабушкой были уже в таких дебрях воспоминаний, что выбраться из них на прямую дорогу родственных связей было абсолютно нереально. Я искренне стремилась узнать как можно больше обо всех этих милых, талантливых и добрых людях, но мой мозг уже был раскален от блуждания по лабиринту непредсказуемой и неисчерпаемой бабушкиной памяти. Индикатор моего энер-

гетического ресурса давно показывал ноль и отчаянно мигал красным. Приходилось прибегать к чаепитию, и бабушка с готовностью устремлялась на кухню греть чайник, тайно надеясь, что вдруг я захочу «еще курочку, или хоть котлетку».

Все это я рассказываю к тому, что мои бабушки так и не успели мне *как следует* изложить, кто есть кто в нашем большом семейном сообществе. Сейчас уже не осталось никого, кто так же скрупулезно знал бы, кто чей племянник. Мы все – *родственники*, и это, при всем разнообразии и несходстве жизненных укладов, является, наверное, чем-то очень важным для нашего общего подсознания, если *нельзя не пойти* на день памяти тети Жени или *забыть поздравить* Илюшу из Новороссийска с *блестящей* защитой диплома.

Собранные здесь воспоминания лишь помогут в какой-то мере реставрировать большое полотно семейного портрета.

1. Боря, Бетти и Суламифь

Однажды у меня раздался телефонный звонок.

– Милочка, здравствуй, это Вера.

– Да, Веруня, я тебя узнала. Рада тебя слышать.

Странная вещь – семейный этикет. Я сразу поняла, что мне предстояло узнать что-то неизбежно-печальное, во-первых, потому что мы с Верой встречались только по общесемейным поводам, а во-вторых, обращение с суффиксом «очк» уже заключало в себе некое предварительное смягчение удара. Однако я не могла прямо спросить «кто на этот раз?», чтобы она не подумала, что ее звонок у меня ассоциируется лишь с этим, а кроме того, нельзя было продемонстрировать внутреннюю готовность к «плохому», поскольку в нашей семье несчастье может произойти только *совершенно неожиданно...*

– Я тоже рада, но у меня плохие новости.

– Да ты что, Вер! Не пугай меня. Даже боюсь спрашивать.

– Ты знаешь, Бетти умерла.

– Что ты говоришь?! Как! Не могу поверить!

– Да, никто не может. Но, к сожалению, это правда.

– Когда это случилось?

– Вчера вечером. Причем она вроде нормально себя чувствовала, только легла пораньше, говорит, почитаю, может, усну.

– А Боря как?

– Можешь себе представить. Он досмотрел свое ток-шоу и пошел ей рассказывать. А она на полу и уже не дышит.

– Кошмар!

– Да, ужасно! Надо сказать, что скорая приехала довольно быстро, но... Они только сделали укол от сердца...

– Кому?!

– Ему, конечно, он был в шоке. Ну вот, собственно...

– Веруш, и когда похороны?

– Скорей всего, послезавтра, чтобы все успели приехать.

Я тебе позвоню.

– Да я сама позвоню. Слушай, а с Борей кто-то есть? Может, нужно побыть с ним это время?

– Да нет, там уже Валя с Мишей, они будут ночевать, и сегодня Максим должен приехать.

– Вер, а деньги на похороны кому отдавать? Вале?

– Да, они там все уже сами оплачивают, а мы им потом возместим.

– Ладно, Верочка, спасибо, что позвонила, хотя это все очень грустно... Надо еще кому-то сообщать? Хочешь, я позвоню Марковым и Маше с Димой? И Лизу Беркут могу взять на себя.

– Ой, Мил, спасибо тебе большое. Тогда я их у себя вычеркиваю. Не забудешь?

– Нет, что ты! Сейчас буду звонить.

Боря и Бетти были легендарной парой нашего семейства

Они прожили вместе сорок четыре года, и на протяжении всего этого срока Боря был влюблен в нее, как мальчишка, а Бетти благосклонно принимала его поклонение. Говорили, что в молодости Бетти считалась очень хорошенькой. Не знаю, как насчет «очень», но уродиной ее точно нельзя было назвать. Ее внешность скорее была немного кукольной, если представить себе *умную* куклу. Мне она всегда почему-то напоминала молодого Пола Маккартни. Боря часто говорил, что ему больших усилий стоило завоевать ее внимание и отбить ее у многочисленных поклонников. Трудно сказать, кто из поклонников, кроме Бори, был реально готов претендовать на ее руку и сердце (сейчас бы Боря сказал – ох, уж эти добрые женские язычки!), но Бетти правильно распорядилась представившимся шансом. Хотя Борю нельзя было назвать красавцем, но он был умен, и, кроме того, – влюблен, а эти качества делают любого мужчину чрезвычайно привлекательным. Надо сказать, что они смотрелись вместе очень органично. Вопреки существующему мнению, что маленькие мужчины (а Боря был очень невысокого роста) тянутся к крупным женщинам, Боря потянулся к маленькой женщине. Бетти была ниже Бори ровно настолько, насколько необходимо, чтобы мужчина мог *наклониться к женщине*, а она – смотреть на него снизу вверх.

Мы практически ни разу не видели Борю и Бетти в ссоре. Правда, скорей всего, благодаря Бориному характеру. Он был очень нетребователен к быту, и Бетти имела полную сво-

боду в этом смысле, его устраивало все, что нравилось ей. К женским капризам он относился с улыбкой, мог спокойно уступить, если ей чего-то *очень* хотелось. Когда ей было неохота возиться по хозяйству или лень мыть посуду, Боря мог сам все молча убрать, вымыть и поставить на место, *ведь Беттинька устала*. Но в каких-то серьезных вещах Боря умел принять решение и настоять на своем. В этом проявлялась его мужская роль в семье, и надо сказать, что Бетти в таких ситуациях не спорила и подчинялась. Например, я помню, как Боря категорически отказался от заманчивого предложения купить таймшер, несмотря на уговоры родственников и мольбы Бетти. Или его непреклонное убеждение, что лучше быть высококлассным портным или парикмахером, чем посредственным программистом, и что надо дать Максиму право самому определить для себя, чего он хочет и что может. Короче говоря, и здесь Бетти была в более выигрышном положении, чем большинство мужних жен – она была избавлена от необходимости решать все самой.

Их маленькая семья – дочь Валя с мужем жили отдельно – стояла немного особняком в ряду родственников. Казалось, они вместе настолько самостоятельны, что не испытывают потребности в тесном и частом общении с остальным семейством. Хотя откуда возникало это ощущение? Я уже говорила, что в нашей большой семье то и дело появлялись всевозможные поводы для общих «сходок» (Борино выражение). Но когда эти сходки происходили у них дома, они заметно

отличались от всех прочих. Во-первых, видно было, что хозяева совершенно не стремились привести квартиру в порядок «для гостей», то есть подспудно это означало, что им все равно, «понравится ли Мишиной жене эта вазочка». Но при этом все привычки и пристрастия гостей были учтены. «Марину не нужно сажать спиной к окну, а Павлику нельзя майонез.» Во-вторых, Боря всегда раздавал гостям меню, в котором значились такие деликатесы, как «Беттины крылышки», «Беттина баранья нога», «Беттина поджарка на медленном огне», салаты «Борино наказание», «Борино мучение» и «Борино испытание» (это означало, что Борю усадили тереть морковь или резать лук), «раствор клюквы» (морс), пирог «медвежий Мазо» (с медом) и все в таком духе. Можете представить, как смеялись гости, читая этот список! В-третьих, посиделки у Бори никогда не сводились только к еде. Как-то получалось, что всегда находились интересные темы, и встреча запоминалась именно этим. Уходя, гости получали маленькие смешные сувениры или сюрпризы на память о сходке. И уж всегда для всех был приготовлен в пакетиках «сухой паек» на завтра – пирожки с капустой и с мясом и что-то еще, заботливо завернутое в фольгу. Короче говоря, бывать у Бори с Бетти было сущее удовольствие, и именно этим отличались их приемы от всех прочих. Для меня это было совершенно очевидно, и, конечно, ясно было, что все дело в Боре и Бетти, в их умении угощать, принимать, слушать и рассказывать. Думаю, что вряд ли каждый

из наших родственников отчетливо это понимал, но разницу ощущал безусловно, так же как то, что *без* этих посиделок жизнь большой семьи многое потеряет, а Борина и Беттина – не обеднеет, а останется такой же насыщенной и интересной. И это вызывало неосознанное раздражение, хотя Борю любили и он был нужен всем.

Наш Боря был врач. Как говорила бабушка, обе бабушки, «врач от бога». Казалось, не было болезней, которых он не мог бы распознать, причем это относилось и к взрослым пациентам, и к самым маленьким. Одной фразы «Борь, мне как-то неважно» или «что-то мне Машка не нравится» было достаточно, чтобы он точно определил, у кого барахлит печень, а у кого начинается ветрянка. Иногда больной жаловался на боль в колене, а Боря смотрел на него внимательно и выписывал лекарство от язвы желудка. И скоро выяснялось, что таки да, язва, а колено – это отвлекающий маневр организма на неполадки в желудке. Может быть, я немного утрирую, но Боря каким-то образом постиг все взаимосвязи наших внутренностей и знал, как и где может отозваться какая-либо неполадка. Он был добрым врачом, никогда не пугал больных страшными медицинскими словами, но с вызывающей доверие озабоченностью мог сказать, что болезнь довольно серьезная и нужно очень стараться, чтобы ее победить. С детьми он тоже обращался по-взрослому. Он не обещал, что «будет не больно» или «лекарство вкусное». Наоборот, он говорил «будет больно, так что придется потерпеть»

или «таблетка жуткая гадость, но очень полезная». И тогда *ожидание* боли делало ее вполне сносной. А жуткая гадость оказывалась просто горьким вкусом. (Я впоследствии с успехом использовала эту методу со своими детьми. И они спокойно посещали любых врачей, включая стоматологов).

Где бы Боря ни появлялся, его всегда окружали женщины, осложненные проблемами позднего бальзаковского возраста. То одна, то другая, интимно брала Борю под руку «*Боренька, я могу с вами посекретничать?*» или «*Вы позволите мне ненадолго похитить у вас Борис-Йосича?*» и многозначительно уводила его в сторону. Забавно было со стороны наблюдать эти сцены. Дамы говорили безумолку, очевидно, посвящая Борю во все детали своих мигреней, и при этом кокетничали глазами, бровями, и прочей мимикой. В результате они получали совершенно даром бесценные Борины советы. Я однажды подслушала разговор нескольких пациенток. Меня отправили к Боре «проверить горло», и я пошла к нему в поликлинику, а там была очередь. «*Милуша, ты не торопишься? Можешь подождать, пока я приму больных по записи?*» У меня с собой была книжка, и я с готовностью согласилась ждать, тем более, что потом мы с Борей наверняка поехали бы вместе к нам домой, и он бы у нас обедал и рассказывал всякие смешные случаи. Так вот, пока я читала, я услышала много всего, что мне в мои пятнадцать лет показалось чрезвычайно любопытным. Сначала две постоянные пациентки наперебой расхваливали Борю перед третьей, ко-

торая первый раз пришла к нему «по рекомендации», потому что у нее «вот здесь дикие боли». *Такой знающий, такой внимательный. Говорят, что сами врачи, когда болеют, только у него лечатся.* А потом как-то незаметно они стали говорить немножко о другом.

– Вы давно лечитесь у Борис-Йосича?

– Да, уже около четырех лет. Вы знаете, это что-то особенное....

– Вот именно. Вы тоже почувствовали? Вот я когда первый раз...

– Да-да-да, моя приятельница меня предупреждала – «такой интересный мужчина».

– Знаете, я вам скажу, только это между нами, он очень интересный мужчина. Он обаятельный такой, голос такой, знаете, тоже приятный, вообще, как мужчина, он такой, очень приятный...

– Да, а вы обратили внимание на его глаза?

– Да конечно, у него в глазах что-то такое...

– Мужской такой взгляд, сильный.

– У него руки прекрасные. Тоже такие сильные, теплые.

– Мне тут одна дама рассказала, она к нему все время специально ходит и врет – там болит, тут болит. Только это между нами, я вас очень прошу.

– Я думаю, к нему так многие приходят.

– Да, в другие кабинеты никого нет, а у него всегда очередь.

– А говорят, одна врачиха...

Я с трудом сдерживалась, чтоб не расхохотаться. Я очень любила Борю, он был моим самым любимым родственником, но даже это не делало его в моих глазах роковым красавцем. Во-первых, его рост – он не дотягивал даже до метра шестидесяти, к тому же немного хромал. Он был худощав, хотя с годами стал солиднее, и как он сам шутил, уже не мог больше *покупать сорочки* в «Детском мире». Его небольшие карие глаза, чуть близковато поставленные... Ха-ха-ха, мужской взгляд! Руки тоже как руки, всегда чистые, покрыты от запястья до локтя светлой шелковистой порослью. Мой двоюродный брат Даня в детстве любил щекой тереться о Борины руки *«Ты почти такой же мягкий, как наши кот. Но кот все-таки мягче. Ты не обиделся?»*

Я пересказала Боре подслушанную болтовню, и он посмеялся вместе со мной.

Борины поклонницы были постоянной темой шуток на семейных сборищах. «Борь, ну-ка признайся уже, как ты пользуешься таким успехом у женщин?» На что Боря с притворным вздохом отвечал: «Увы! Никак не пользуюсь. Условий нет» – и при этом хитро смотрел на жену. Бетти делала кокетливо-строгий взгляд, и грозила ему пальцем: «Ай, Борька, ну ты у меня получишь!» «Бетти, как ты это терпишь?» «А что я могу? Я уже смирилась», – отвечала довольная Бетти. При этом вид у нее был как у хозяйки, которая уверена, что ее пес не возьмет косточку из чужих рук.

Да, Бетти повезло. Она всю жизнь играла в королеву и пажа. Она была любима. Это проявлялось в любых, даже самых прозаических, мелочах, например, в том, как лежала его рука на спинке ее стула, как он смотрел, когда она опиралась на него, вытряхивая камушек из туфли *«что-то попало и колет»*.

Иногда пылкость чувств выражалась в форме материнско-отцовской заботы друг о друге. *«Боря, тебя продует. Отсыдь от форточки»*, *«Борь, ты почему не ешь ничего? Ты же будешь голодный»*, *«Ну как ты надел шарф, вся шея голая»*, или *«Беттинька, ты почему кислая? У тебя болит что-нибудь?»*, *«Беттинька, тебе не грустно? Ты не устала? Ты не сердись?»* Вот еще вариант: *«Беттинька, ты что ешь? Семгу? А я телятину. Возьми у меня половину. – Я не хочу телятину. – Ну, хоть попробуй. – Тогда ты забери у меня кусок семги. Она тоже очень вкусная. – Зачем же я буду у тебя забирать семгу, если она вкусная? – Если не возьмешь, я не буду пробовать телятину»*.

Валя, их дочь, слушая эти диалоги, безнадежно махала руками *«Детский сад, а не родители»*. Остальной женский состав семьи относился к Бетти с меньшей терпимостью. У меня сложилось впечатление, что на самом деле Борю любили все, а Бетти – не все, и только ради Бори.

«Что в ней такого особенного, не понимаю? Старая эгоистка». – *«А она всю жизнь такая»*. – *«Чем она его так пленила?»* – *«И как он это выдерживает столько*

лет?» – «Борька вкалывает ради нее на двух работах, о себе совершенно не думает». – «Только и слышно – Беттинька, Беттинька. А она – ах, я устала, ах мне это тяжело». – «От чего она так устает? Никаких проблем, делает что хочет».

Возможно, они в глубине души завидовали Бетти. Конечно, это не проявлялось в открытую. А собственно, чему завидовать? У всех прекрасные мужья, приличные заработки, налажен быт, дети устроены. Но в том, как они посмеивались и подтрунивали над всеми этими «Не выходи без зонтика. Дождь начинается», «Ты дома? Слава богу, а то так скользко, я волнуюсь, чтоб ты не упала», «Ты что делаешь? Я тебя разбудил? Ну, прости меня. Просто захотел тебе позвонить», «Я скоро буду. Тебе купить что-нибудь вкусненькое?», проглядывала зависть к подтексту. Их разговоры с мужьями вроде бы тоже звучали вполне по-семейному. «Ты где? – Задерживаюсь. – Надолго? – Не знаю. – Все в порядке? – Да, да, в порядке. – Ну, хорошо. – Давай, пока», «Алло, это я. Слушай, посмотри у меня на столе, там такая черная записная книжка. Есть? Отлично. Я думал, что потерял. Ну, все. Ладно. Спасибо тебе», «Слушай, купи по дороге овощи. Нет, лук не надо. Хлеб только черный, белый еще есть». Но они не содержали никакого подтекста. В них не было того, чему можно было бы позавидовать.

Если уж быть абсолютно честной, то мне тоже казалось что Бетти переигрывает со своей ролью избалованной муж-

ским вниманием очаровательной капризной девочки. Она уже давно не была ни очаровательной, ни девочкой, а избалована была лишь Бориным вниманием. Я помню, как меня раздражала и одновременно смешила многозначительная улыбка Бетти, когда Боря читал стихи Северянина, да и вообще любовную лирику. Она была абсолютно уверена, что все эти строки адресованы ей. Может быть, я тоже ей завидовала?

Однажды мы с мамой говорили о жизни, о том, о сем, и вспомнили о Боре и Бетти. Мама сказала: «Ее упрекают в избалованности. А кто ее избаловал? Почему никто не упрекает Борю? И собственно, в чем вина Бетти? В том, что Боря ее любит и принимает такой, какая она есть? Что вам до нее? Ему нравится – и замечательно. Каждый выбирает свое. Дай бог, чтобы твой муж через сорок лет брака так к тебе относился, как Боря к Бетти. Учиться у нее надо, а не кости ей мыть». Я поняла, что мама права, и перестала участвовать в промывании Беттиных костей.

Я, как и обещала, обзвонила родственников. С Лизой Беркут мы проговорили, наверное, полчаса.

– Слушай, Мил, я вот думаю, как Боря это перенесет. Ведь у него сердце не в порядке.

(В последнее время у Бори стало побаливать сердце. Но он никогда всерьез об этом ни с кем не говорил. Он, как многие врачи, думал, что его никакая болезнь не одолеет.)

– Да, я тоже об этом беспокоюсь. Вера сказала, что ему было плохо, когда скорая приехала. Они ему сделали укол.

– А с ним есть кто-нибудь?

– Там сейчас Валя с мужем.

– А внук?

– Макс тоже должен прибыть.

– Понятно. Ну, тогда ладно. Ты знаешь, я никогда не думала, что она раньше Бори умрет.

– Да, она ведь никогда ничем не болела.

– Ну, не знаю, может, не посвящала никого в свои болезни.

– Но уж Боре-то могла сказать. Иметь такого врача под боком денно и ночью...

– А ты знаешь, Бетти никогда не советовалась с Борей как с врачом.

– Почему? Откуда ты знаешь?

– Она мне сама как-то сказала, что не хочет, чтобы он воспринимал ее, как пациентку. «Тут болит, там болит, ноги отекают, тело старое трясется». Короче, она им как врачом не пользовалась.

– Это очень глупо с ее стороны. Вот и доигралась.

– Ну, знаешь, дай бог каждому так умереть – раз и все.

– Наверное, это был тромб.

– Мил, вот я тебе скажу, звонишь ему иногда, мол, Борь, как дела, как ты? А он: да вот Бетти что-то неважно себя чувствует, а так все нормально. А что с ней? Да общее состояние какое-то вялое... Борь, говорю я ему, я тебя спра-

шиваю, как *ты*, а ты мне про Бетти... А он опять: да я – то ничего. Вот Бетти.....

– Да, да, да, я тоже ему всегда говорила, что надо о себе беспокоиться, а не только о ней.

– Но она таки умерла!

– Да... Но знаешь, мне его жалко. Как он теперь будет? Как бы не сломался!

– Надо будет почаще ему звонить. И видеться с ним. Поддерживать морально.

– Обязательно!

На похоронах Боря держался стойко, хотя было видно, что он очень переживает. С потемневшим осунувшимся лицом он стоял, немного сутулясь, и казалось, мыслями был далеко от этой обстановки, от этой процедуры прощания, от всех этих обязательных ритуальных речей. Рыдала Валя. Хлюпали носами дамы, даже мужчины стояли с красными глазами. Боря, словно окаменев, не мигая глядел на мертвую Бетти и только в последний момент, когда гроб исчез за черной занавеской, покачал головой и закрыл глаза ладонью. Я подошла к нему и осторожно коснулась его рукава. Меня беспокоило его состояние, я боялась за сердце – мало ли что... Он молча похлопал меня по руке, что означало – «я в порядке, не волнуйся» и одновременно – «спасибо тебе за заботу».

На поминках... Надо сказать, что поминки были шикарные, если это слово применимо к такому случаю. Но Валя постаралась, чтобы все было так, как «если б мама была с

нами». И все говорили, что Бетти была бы довольна столом, что все почти так же вкусно, как если б она сама готовила, но конечно, «почти» – потому что превзойти ее невозможно. И было много речей – говорили, что кончилась некая семейная «эпоха», что нам посчастливилось жить в эту эпоху, а тем детям, которые будут впоследствии рождаться в нашей семье, мы будем рассказывать о Боре и Бетти, и именно так завязываются фамильные традиции и семейные легенды. Много выступали, много вспоминали, и выяснилось, что столько хорошего Бетти сделала для каждого, и столько добрых советов было от нее получено, и столько сложных ситуаций было ею благополучно разрешено, что как теперь жить без нее – просто непонятно. Создалось впечатление, что только сейчас все вдруг осознали, как им будет не хватать Бетти. Возможно, это говорилось для Бори, но мне показалось, что вроде бы в этих речах было много искренности. Такое запоздалое облагораживающее раскаяние. Особенно хватало за душу, когда говоривший или говорившая произносили «прости меня, Бетти, и спасибо тебе» или «спасибо тебе, Бетти, и прости меня».

Таким образом, поминки по Бетти сплотили семью, и теперь оставалась одна общая забота – Борино одиночество. Кто-то звал Борю переехать к ним, кто-то обещал ежедневное посещение с привозом продуктов. Среди прочих предложений – поездка в санаторий в Крым, на дачу под Москвой, в Болгарию на море, кардиологическое обследование в

Германии или Израиле. Я тоже считала, что кардиологическое обследование Боре необходимо.

В конце концов, Боря действительно согласился подлечиться и отдохнуть, но, горячо поблагодарив родственников, решительно отказался от опеки, сказав, что справится сам. Родственники еще какое-то время настаивали, но потом отступили, с увереньями, что «они всегда, в любую минуту готовы... звони, если что».

Вскоре мы убедились, что Боря не впал в депрессию, не «ушел в себя», не погрузился с головой в прошлое, продолжает работать. Первое время мы довольно часто звонили ему, даже заезжали, предварительно позвонив «Боречка, я тут неподалеку от тебя. Можно я забегу на пять минут?», потом стали только звонить – кто чаще, кто реже. Я звонила раза два – три в неделю, иногда не заставала его дома и начинала волноваться. Тогда я названивала каждые десять – пятнадцать минут, пока у меня не раздавался долгожданный звонок, и в трубке звучало: «У меня есть хороший психиатр. Дать телефон?» – «Боренька, какое счастье, что ты нашелся! А я уж не знаю что думать!» – «Думать надо, что меня нет дома, раз я не отвечаю». – «А вдруг тебе плохо стало?» – «Так что ты звонишь? Взяла бы да приехала!» – «А вдруг тебя нет дома?» «Логично! Слушай, на самом деле, Милуша, спасибо, что ты звонишь. И извини, что заставил тебя трепыхаться. Но понимаешь... я *могу* ведь иногда задерживаться на работе или зайти куда-нибудь. В этом случае меня

не будет дома. Понимаешь?» – «Понимаю. Но все равно буду волноваться». – «Ладно, тогда так: запиши мой мобильный. Только не давай его никому. Это мой личный номер. Его ни один пациент не знает». – «Не волнуйся, никому его не дам. И сама буду звонить только в крайнем случае». – «Договорились!»

Незаметно прокрутилось время – год с лишним. Однажды у меня раздался звонок от Лизы Беркут.

– Милка, ты сидишь или стоишь? Я тебе кое-что хочу рассказать.

– Лиза! Что случилось?

– Ты представляешь, Вадим встретил Борю с женщиной!

– С какой женщиной?

– Не знаю. Но Вадим сказал, что вполне симпатичная, молодая.

– Ну и что? Может это коллега, врач из клиники. Куда они шли?

– По улице шли и разговаривали.

– И что здесь такого?

– Вообще-то ничего, конечно, но интересно.

– Слушай, Лиз, ну что, по-твоему, Боря уже не может идти рядом с женщиной? Может это какая-нибудь пациентка или просто знакомая.

– Может и так, конечно. Но Вадим сказал, что похоже было на *очень* хорошую знакомую

– Да? А в чем это выразалось?

– Мил, я там не была. Если б я сама видела, я бы тебе ответила.

– Хорошо, а Боря что?

– Боря не видел Вадима. А Вадик постеснялся его окликнуть.

– Ну, что можно сказать... Человеку трудно одному. Если это так, то мы рано или поздно обо всем узнаем.

– Мне так интересно, кто она такая, откуда взялась.

– Да, мне тоже интересно. Ты кому-нибудь еще звонила?

– Нет, тебе первой.

– Ладно, Лиз, давай пока не будем судачить. Подождем.

Ждать пришлось не слишком долго. Лизина версия оказалась правильной. На одну из ближайших семейных сходов – чей-то день рождения – Боря явился с женщиной. Она была совершенно не похожа на Бетти, чуть выше Бори, полная в меру, довольно миловидная, сероглазая. Видно было, что ей неуютно, но она старалась держаться естественно. На самом деле, чувствовать себя неуютно в такой ситуации – как раз вполне естественно, а попытки разыгрывать непринужденность выглядели бы фальшиво. Я поймала себя на мысли, что не испытываю к ней неприязни. Мне даже захотелось ее поддержать, хотя бы ради Бори. Семейство пока еще не оправилось от неловкости и находилось в напряженном ожидании какой-то разрядки. Боря решил, что пора это сделать.

– Дорогие родственники, я хочу вам представить мою по-

другу, ее зовут Суламифь.

Возникла пауза. Родственники молчали, словно им было недостаточно этой информации. На самом деле они просто не знали, что сказать. Пауза становилась суровой.

– Послушайте, ну что вы застыли. Отомрите. Я пришел на день рождения к своему любимому восьмиюродному племянчатому внуку, или кто ты мне, Сень? И, между прочим, принес неплохой подарок. Вот. Если тебе неинтересно, что там, то пусть твоя жена распотрошит этот сверточек. Сима, ты где? Здравствуй, дорогая! С именинником тебя! А это Суламифь, моя подруга. Прошу если не любить, то жаловать!

Надо отдать Симе должное – она улыбнулась – «милости просим, проходите, пожалуйста».

Народ постепенно пришел в себя, все расселись, *«Ну, Сенья, хоть ты и повзрослел на год, но все равно мальчишка по сравнению со мной. Позвольте сказать»*. Вскоре тосты пошли один за другим, языки развязались, вечер прошел даже весело.

В целом, первое явление Суламифи народу прошло благополучно. Мужчины нашего семейства отнеслись к ней вполне дружелюбно. Даже пытались «пушить хвосты», как сказала бы бабушка Ангелина, – острить, шутить и показывать себя с наилучшей стороны. Как же – появилась новая женщина, и надо, чтобы она видела, что кроме Бори здесь есть еще мужчины хоть куда! Женщины демонстрировали осторожность и значительно меньшую готовность к общению.

Постепенно все начали привыкать, что Борю теперь надо приглашать с подругой по имени Суламифь. Надо признать, что Суламифь вела себя очень скромно, с достоинством и, я бы сказала, со спокойной уверенностью. Как-то одна из племянниц попыталась выпустить коготки: «Суламифь – это ведь одна из многочисленных наложниц царя Соломона?» «Это самая любимая из всех его женщин», – спокойно ответил Боря. «Но ты не царь Соломон». Боря уже открыл рот, чтобы ответить, но его опередила Суламифь. «Видите ли, мое имя – довольно редкое, но все же оно встречается – одно на тысячу. Поэтому неразумно ассоциировать любую женщину по имени Суламифь с конкретным библейским персонажем. Вот вас, например, зовут Софья. Но это вовсе не значит, что вы ассоциируетесь...» – «С мудростью!» – перебил ее Боря, и все рассмеялись. «Я вообще-то хотела сказать – с Софьей Ковалевской». – «И этого нет!»

Думаю, наши дамы уразумели, что Борина подруга отнюдь не овечка, но это не прибавило им благосклонности к ней. Хотя внешне вроде бы все уже признали ее «ради Бори», но за спиной давали себе волю всласть позлословить. *Как вам это нравится? – Интересно, где она его подцепила? – Борька такой доверчивый, вот она его и прибрала к рукам. – Воспользовалась тем, что он один. – Бедная Бетти, всего год прошел, как она умерла. И тут такой подарок! – И ведь сначала молчала, тихоней прикидывалась, а уже начала себя показывать. Вон Соньке нахамила... – Ну, Сонька сама*

нарвалась. – Все равно. Понимаешь, Сонька – родня. А эта кто? Она должна сидеть и молчать, если хочет стать членом семьи. А она рот открывает. – Да-а, Боря с ней еще намается. Это тебе не Бетти. – Как он мог! Променять Бетти на такую! А ведь так любил! – Вот что такое мужчина! – Эта Суламифь намного моложе его. Я думаю, ей нет шестидесяти. – Но все равно не молодуха.

Я слушала, слушала – и выступила против хора.

– Послушайте, вы чего хотели бы? Чтобы он был один, неухожен, заброшен и страдал над могилой? Мы хорошо знаем Борю, он действительно любил Бетти, и не забыл ее, и ни на кого ее не променял. Но он, по-вашему, должен теперь перестать жить? У нас у всех свои семьи, и мы бы не смогли осуществлять ежедневный уход за ним. Даже Валя.

– Ну, можно было бы найти кого-то...

– Кого? Женщину? Так он сам себе нашел. Она за ним ухаживает, заботится, и, судя по всему, его вполне устраивает. Он, что, спрашивать у кого-то должен был?

Она совсем не такая уж плохая. Молодая, старая – какая нам разница? Это не наше дело. И неважно, нравится ли она тебе, мне или Соне. Главное, чтобы она ему нравилась. И оставьте ее в покое!

Родственницы поджали губы и больше при мне разговоров на эту тему старались не заводить. Я думаю, что их афронт Суламифи объяснялся тем, что *Боря показал плохой пример их мужьям*. Всю жизнь считалось, что пара Боря и

Бетти – идеальная, что это пример вечной любви, воплощенной в браке. И если после стольких лет *такой* любви, всего через год после смерти жены, вместо того, чтобы страдать или принять яду – он продолжает жить и, что еще хуже, – с женщиной, то что тогда говорить об обычных отношениях?

Дочь Валя отнеслась к ситуации рационально. Она выяснила, что отец не собирается жениться на Суламифи и что Суламифь, следовательно, не будет претендовать на наследство. Кроме того, у Суламифи была собственная двухкомнатная квартира, она работала и получала приличную зарплату, – другими словами ей не нужно было от Бори ничего, кроме него самого. А поскольку Валя с мужем часто уезжали на несколько месяцев в Германию, где учился их сын Максим, то Валу вполне устраивало, что Боря будет под прищотром любящей женщины. А то, что женщина любящая – не вызывало сомнений. Достаточно было слышать, как Суламифь произносит «мы», «у нас», «с нами». Она смотрела на него так, как он в свое время смотрел на Бетти. Она беспокоилась, не устал ли он, не голоден ли. Ей было интересно все, что интересовало его. У них были схожие взгляды. Короче, Боря попал в хорошие руки. Ценил ли он это? И что для него значила Суламифь?

Как-то я разговорилась с Борей на эту тему. Мы с ним всегда были откровенны, а с годами, когда разница в возрасте перестала быть очень заметной – мне было пятьдесят, а ему – под семьдесят – тем более.

– Борь, мне нравится Суламифь. Она интересный человек, и интересная женщина. Ты давно с ней знаком?

– Если честно... Да, давно. Больше десяти лет.

– Ничего себе! А Бетти знала?

– Нет, конечно. Хотя, ей и нечего было знать.

– То есть?

– Ну, мы не были так близки. Просто были хорошо знакомы.

– Ты был верен Бетти? Не изменял ей?

– Представь себе, дорогая, не изменял.

– И даже не думал об этом?

– Думал. Но не изменял.

– Никогда?

– Мила!

– Ага, понятно!

– Что тебе понятно?

– Что с *Суламифью* – не изменял!

– Каким образом из чудной девочки выросла змеюшка?

– Боречка, я на твоей стороне! А Суламифь тебе нравилась уже тогда?

– Нравилась.

– А она была замужем?

– Была. Она разведена. Детей у нее нет. Еще вопросы будут?

– Борь! Будут. Ну, мне важно знать это. Скажи, только не обижайся... когда Бетти умерла, ты... уже предполагал...

– Мила, это плохой вопрос. Бестактный. Жестокий. Но я отвечу. Нет, не предполагал. Вообще не думал. Мне было очень тяжело. На самом деле. Но Суламифь – как это говорят? – вернула меня к жизни.

– Знаешь, она, мне кажется, жутко в тебя влюблена.

– Не смейся.

– Нет Борь, правда. Она тебя любит. Она смотрит на тебя такими глазами...

– И что она видит, интересно?

– Это другой вопрос. Я вот тоже не понимаю, что она в тебе нашла...

– Тебя давно не пороли?

– Борь, а где ты с ней познакомился?

– Милка, какая ты любопытная! Она была моей пациенткой.

– А-а, не зря значит рассказывали...

– Не знаю, что там кто кому рассказывал...

– Среди твоих пациенток о тебе легенды ходили. Некоторые даже симулировали, чтобы к тебе на прием попасть лишний раз.

– Да, действительно, ходили такие дамочки. Я еще удивлялся – говорю им «у вас все в порядке». А они мне – «нет, тут колет, там режет».

– А Суламифь тоже симулировала?

– Нет, у нее был панкреатит.

– Ты ее любишь?

– Знаешь, в моем возрасте полюбить... Я очень хорошо к ней отношусь. Но я не знаю, можно ли это назвать любовью. Наверно, можно.

– Но не так, как Бетти?

– Не так. Но она и не Бетти. Но ты знаешь...

И тут Боря произнес фразу, расставившую все в его жизни по местам, прозвучавшую, наверно, неожиданно для него самого, как ответ на вопрос, который он старался никогда не задавать себе.

– Но ты знаешь... может быть это эгоистично, но мне в конце жизни, напоследок, захотелось узнать, как это бывает, когда любят *тебя*.

2. Наследники

Эту историю я услышала впервые от мамы. Потом в той или иной вариации ее повторяли разные люди. Я ее воспринимала, как анекдот, хотя все рассказчики уверяли, что это чистая правда. Однажды, когда вся наша большая семья была в сборе, я обратила внимание на пожилую пару – высокого мужчину с простоватым лицом и грузную неприветливую женщину с плотно сжатыми губами.

– Кто это? – спросила я у своей двоюродной сестры Инны. – Что-то мне их лица совершенно незнакомы. – Это Дима Карганов с женой Лидой.

– Первый раз слышу. Они тоже наши родственники?

– Да. Там как-то сложно. У дяди Пети Кострина была жена Рая. У нее – сестра, кажется, Люба. Не помню точно. Так вот, этот Дима – племянник Любы, сестры жены дяди Пети.

– Как ты это усвоила?

– Сама не знаю. Пока тебе объясняла – как раз разобралась. Но вообще-то они очень редко бывают. Я их за все годы, по-моему, второй раз вижу.

– А сейчас они почему приехали?

– Мил, спроси что-нибудь полегче. Наверно, кто-то из наших пригласил. Но точно я не могу тебе сказать.

– Ну, понятно, Ниночка. Спасибо за информацию.

Наверно, этот малозначительный эпизод вскоре забылся

бы, если б не происшествие в конце вечера.

Дима, все время просидевший рядом с Лидой, наконец нашел собеседника, с которым они увлеченно обсуждали какую-то общую тему. Потом к тому подошла жена – «Вов, мы уходим».

– Да, хорошо, хорошо. Ладно, Дим, бывай, приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Они пожали руки.

– А где твоя-то?

Тут Дима обнаружил, что стул, на котором весь вечер сидела Лида, пуст, а ее нигде нет. Он стал звать ее – «Лида, Лида». В это время из спальни раздался вопль хозяйки.

Все, кто еще не ушел, поспешили туда и остолбенели. Вся спальня была занесена, словно снегом, перьями и пухом. На полу валялись две скомканные наволочки и два разодранных в клочья полосатых наперника. Посреди комнаты на ковре в гряде перьев сидела Лида и, ежесекундно отдуваясь уголком рта от порхающего пуха, столовым ножом распарывала третью подушку.

Я никогда не забуду состояние шока, которое охватило меня при виде этого зрелища. Мозг отказывался верить в реальность того, что было перед глазами, и был скорее готов признать это чем-то вне реальности.

Я не буду рассказывать, как вызвали «скорую», как увозили обезумевшую женщину, как был растерян и потом плакал

и извинялся перед хозяевами Дима.

После его ухода мы больше часа помогали хозяйке дома привести спальню в порядок, а затем решили, что надо выпить чаю. И тут-то во время чаепития, когда разговор все время вертелся вокруг недавнего происшествия, я узнала, что Дима и Лида – настоящие персонажи того самого семейного анекдота, который в развернутом виде представлял собой довольно-таки невеселую историю.

* * *

Дима смотрел, как его жена Лида моет посуду. Она ополаскивала тарелки с одной стороны. Потом проводила губкой по тыльной стороне. Снова ополаскивала и ставила их на сушку. В ее движениях помимо привычной ловкости, выработанной годами, чувствовалась уверенность и даже некая властность – казалось, ни одна тарелка не посмеет пойти против хозяйки и занять *не свое* место на сушке.

Лида поставила последнюю тарелку и взглянула на Диму.
– Еще чай будешь?

Дима сделал последний глоток и протянул жене чашку.
– Нет. Все. Напился.

Лида поставила чашку на полку и села рядом с Димой.

– И что ты скажешь, Лид?

– Скажу – надо ехать. Там есть еще родственники?

– Нет. Мы единственные. Нет ни детей, ни кого.

– Поезжай, Дим. Выясни насчет завещания, и если его нет, пусть напишет, пока еще в здравом уме.

– А как я скажу – пиши завещание?

– Да. Так и скажешь. Пиши, мол, завещание на нас с Лидой. А то все пропадет. И заодно узнаешь, что там ценного. Мы единственные родственники. Ты племянник. Семейные ценности должны оставаться в семье. Короче, Дима. Когда ты поедешь?

– Не знаю. Надо на работе договориться.

– Чего там договариваться! Скажешь: у меня единственная тетка, сестра матери, при смерти. Надо в Москву ехать. Вот и все. Кто это, интересно, тебя не отпустит?

– А если она не умрет?

– Не умрет – хорошо. Ты, главное, завещание обеспечь. И возвращайся. Все равно потом ехать придется – ведь когда-нибудь она все же отдаст Богу душу.

Тетка жила в старом доме, в одном из переулков Замоскворечья. Из восьми комнат большой коммунальной квартиры только три были заняты – одна Диминой теткой, вторая – маленькой, сухонькой и еще довольно бодрой старушкой. Обитательница третьей комнаты последнее время проживала у дочери, которой легче было поселить старую мать у себя, чем ездить к ней ежедневно через весь город. Остальные комнаты пустовали Диме открыла соседкина родственница.

– Ой, как хорошо, что вы приехали. А то она все одна да одна. Я как прихожу, помогаю ей, конечно. Но мне, сами по-

нимаете, и за своей-то тетей некогда ухаживать. А к вашей все время надо доктора вызывать. Она плоховата стала. Руки не хотите помыть с дороги?

Дима сполоснул руки, вытер их кое-как вафельным полотенцем, сделал глубокий вдох-выдох, открыл дверь и шагнул в комнату, где лежала его тетка.

* * *

Лида встретила его горячим обедом. В квартире пахло свежими щами и недавно пожаренными котлетами с чесноком.

– Ну, рассказывай. Че там было-то?

– Лид, даже не знаю, как сказать. Нечего рассказывать.

– Ну, завещание-то написала?

– Не, не написала.

– Почему это, интересно? Ты же у нее единственный племянник. Кому она все добро свое хочет оставить? Стране?

– Да Лид, не кипятись. Не говорил я с ней на эту тему.

– Как это? А чего ж ты там делал два дня?

– Да я с ней сидел. Продуктов купил, картошки. Молока там всякого разного.

– Какой картошки! Она что, варить ее себе будет? Она же не встает!

– Соседкина родственница ей помогает. Она там каждый день бывает, ну и к тете Любе заходит. Она обещала варить

ей картошку.

– Конечно, она ей картошечку сварит. А та ей за это завещаньице отпишет! Дурень ты, Димка. Вроде так соображаешь, а дурень-дурнем.

– Да нет, Лид, эта соседкина родственница очень приличная, ничего такого не будет.

– Ты все знаешь про нее? Почему не будет? Скажет потом, что та ее позвала и все свои ценности ей завещала.

– Ну не мог я ее просить, понимаешь! Вроде лежит человек живой. А я ему про завещание.

– А когда помрет, поздно будет. Завещание живые едят. И она должна тоже об этом подумать. А то – ишь, божий одуванчик! Не соображает она!

– Лид, ну что ты, в самом деле. Тетя Люба хорошая.

– А я не говорю, что плохая. Я говорю, что она должна тебе все свое добро отписать, пока жива еще. А то все ее жемчуга соседкиной родственнице достанутся.

– Да вроде я там у нее ничего такого не заметил.

– А ты думаешь, они прямо на виду лежат, чтоб их любая медсестра видела? Ясное дело, они где-то спрятаны. Но тебе она должна сказать – где, чтобы они чужим не достались.

– Ох, Лидка, не смог я.

– Не смог – сможешь. Еще съездишь.

– Что ж, я каждый день туда мотаться буду?

– А кто ж наследник-то? Я, что ли? Ты наследник, ты и мотайся. И помотаешься как миленький. Ради наследства-то.

– А они скажут – вот, то годами не ездили, а как бабка помирать собралась, так засуетились.

– Да кто скажет-то? Соседи? Плевала я хотела! Не ихнего ума дело. А хоть бы и так? Бабка здорова была – да, не частили. Оба работаем, с утра до ночи. А как поплохела – чаще ездить стали, помочь надо бабке, вон ты картошки нанес. Продуктов всяких. А как же? Наоборот, все правильно. Так что завтра, Дим, поедешь с утречка. А надо будет – и еще съездишь. И пусть кто слово скажет.

* * *

Дней через десять Дима в очередной раз возвращался домой от тетки. Он очень торопился, почти бегом поднялся на третий этаж и никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Жена услышала возню и распахнула дверь.

– Дим! Ты что это? Я слышу, кто-то у двери возится. А это ты! Что случилось-то?

– Лид, Лидка! Наша взяла!

– Ну да?! Написала?! Ну, давай, давай, рассказывай!

– Погоди. Воды дай. А то в горле все пересохло, пока бежал.

– Может чаю? Вскипел только что.

– Не. Водички. Во, хорошо!

– Ну, давай уж, не томи.

– Ну, короче, так. Она сама заговорила о завещании. Я,

значит, пришел, сижу рядом на стуле, мол, как ты, тетя Люба, может чего дать тебе? А она говорит, Дима, ничего мне не нужно. Помру скоро. Я ей – да ладно, тетя Люб, что ты говоришь глупость какую...

– Ты про завещание рассказывай. А не про свои разговоры.

– Да ты слушай, не перебивай. Ну вот, значит, а она мне говорит, ты мол, мой единственный племянник, никого родных не осталось. Я все свое имущество тебе оставляю. Вон в том ящике бумажка с адресом нотариуса, где мое завещание лежит. Как умру, поедешь туда со свидетельством о смерти моим, и паспорт свой не забудь. Похороните только меня как следует, гроб красивый пусть будет. Я на это деньги-то давно отложила. Все сделай, как следует, обещаешь? Обещаю, говорю. Ну, вот и хорошо. А после сороковин приедете с Лидой. И все оформите и заберете.

– Так и сказала – с Лидой?

– Да, так и сказала. С Лидой, говорит, приедете и все заберете.

– Ну, надо же! Даже не знаю, чего сказать-то.

– Вот так-то, разбогатеет мы с тобой, Лидок. Машину купим. Да?

– Все купим. И мебель новую. Как у Вальки.

– Мы лучше, чем у Вальки, купим. И шубу тебе.

– Машинку швейную.

– Ну, это вообще мелочь! Надо список составить, что нам

надо.

– Слушай, а ведь мы можем нашу квартиру и ее комнату сменять на квартиру в Москве. Может, кто-то захочет разъехаться, улучшить жилищные условия. У нас трехкомнатная да ее комната – вот тебе двушка московская.

– Да кто ж захочет в коммуналке жить.

– Ну, мало ли. Может кто – то разводится. Жене с детьми – нашу квартиру, мужу – комнату. А нам – их двушку. Нас устроит двухкомнатная.

– Еще бы не устроить!

– Ой, Дим, даже не верится

– Ну, погоди, она ж не умерла еще.

– Да. Подождем. Интересно, а где у нее все эти драгоценности? Ты не нашел, где они у нее спрятаны?

– Не, не нашел. Слушай, а почему ты думаешь, что у нее есть драгоценности? Она ведь живет так... средненько. Небогато.

– Да, есть, есть у нее. Я точно знаю. Мне когда-то Зойка, Мишкина жена рассказывала, что она сама видела у нее целый короб всяких жемчугов и бриллиантов.

– С чего бы это тете Любе ей свои жемчуга демонстрировать?

– Да она случайно увидела. Она говорит, стучу, та не отвечает. Зойка подождала да и входит. А тетка сидит на диване, перед ней ящик...

– Прямо ящик?

– Ну, короб такой, большой довольно, а там чего только нет! Клад! Она как вошла, так рот раскрыла и молчит. А тет-ка ей – ты чего пришла? Почему не стучала? А сама так ру-ками ящик прикрывает. Зойка говорит – я стучала, вы не ответили. А я в магазин иду. Хотела узнать, не нужно ли че-го. Ну, бабка вроде помягчела, говорит – хлеба купи белого, творожку. Еще чего-то. Короче, Зойка и ушла. А когда вер-нулась, принесла все – коробка нигде не видать.

– Да-а, прямо детектив. А может, там такие побрякушки были, поддельные... ну как они у вас называются?

– Бижутерия?

– Да, бижутерия.

– Нет, Зойка сказала...

– Она что, специалист? На зуб пробовала?

– Дим, ну подумай сам, откуда у старухи бижутерия? Это я вот, захожу в магазин. Смотрю – бусы под жемчуг, двести рублей. Или там, стекляшки, как алмазы. А она уже сколько лет никуда не ходит, ничего, кроме халата байкового, не но-сит. И потом, с чего бы ей прятать их незнамо куда? Была бы бижутерия, она бы ее не прятала. Я думаю, Дим, это все старинное, может еще дореволюционное. Она его всю жизнь где-то скрывала, чтобы не изъяли.

– Ну, может ты и права. А когда ж это было?

– Когда Зойка с Мишкой еще там жили, до переезда. Им квартиру-то когда дали? Года три назад? Вот, значит, при-мерно так.

– А где вы с Зойкой-то виделись? Когда она тебе это рассказать успела? Ты ж вроде туда не ездила?

– Дим, ты прямо как следователь! На юбилее тетя Любином, помнишь? Тогда еще вся ваша родня собралась. И соседи тоже были все.

– А-а, да-да-да, вспомнил.

– Вот тебе и да-да-да. Мы с Зойкой пошли на кухню, посуду мыть. Тут-то она мне и рассказала.

– Слушай, а вдруг родственники захотят в наследстве участвовать?

– Интересно, с какой это стати? Они ей никто. Смотри, было две сестры – Рая и Люба, правильно? Рая была замужем, Люба нет. Раин муж умирает, она после него наследует. Потом умирает Рая. Детей у нее нет. После нее наследует ее сестра Люба. Потому что родственники мужа не наследники. Теперь сама Люба вот-вот умрет. Ты у нее единственный собственный родственник. Не бог весть что, но все равно это ближе, чем родственники мужа сестры. И потом есть завещание. Так что, не волнуйся, ты у нас наследник трона.

– Лид, а Зойка не могла это... того...

– Чего того?

– Ну, утащить ящичек?

– Каким образом? Она должна была сначала всю комнату тетя Любину обыскать, чтобы его найти. А тетя Люба же не слепая и не глухая. Потом перетащить его к себе, чтобы никто не видел... Нет, Дим. Он где-то есть.

– Ладно, поживем – узнаем.

* * *

Через несколько дней им позвонила соседка тети Любы.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– А Дима есть?

– Нет его.

– Это вас от тети Любы беспокоят. Я соседка.

– Ой, здрасте. А я Лида, супруга. А Димочки нет. Может, чего передать?

– Да тут такое дело. Приехать бы вам, а то ей что-то совсем плохо. Мы тут врача вызывали вчера, они ее забрать хотели, а мы-то не родственники. Не могу, говорю, это с ними надо решать. Они ей укол сделали, вроде полегчало. Но вообще она плохая. Сейчас я к ней заходила, лежит, дышит тяжело, то ли спит, то ли что. Я говорю – тетя Люб, ты меня слышишь? Она глаза открыла, а вроде как не узнает. Вот я вам решила позвонить, телефон у нее в книжке записной нашла. Приезжайте, а то, как бы не опоздать вам.

– Ой, конечно-конечно. Завтра приедем с утра.

– А сегодня никак?

– Сегодня?

– Да, а то мало ли что. Может, опять врача надо вызвать будет, может в больницу ее. А то, вы уж извините, я с ней все

ночи не сплю. А у меня своя тетка. За тетю Любой смотрю, а моя-то брошена.

– Ой. Надо же... А как вас звать?

– Нюра я. Анна Егоровна.

– Анна Егоровна, я сейчас Диму разыщу, он на работе. И мы сегодня подъедем. Обязательно. А вы будете? Дверь-то открыть?

– Буду, буду, а как же. Открою. У нас и ночевать вам есть где. Вон комнат пустых пять штук. Так что приезжайте.

– Ладно, Анна Егоровна. Приедем, приедем.

– Ладно тогда. Извините, что побеспокоила.

* * *

Четыре дня провели Дима с Лидой в квартире тетки. Дима, правда, уходил на работу. Лида оставалась. Тетка практически все время была в полусне. Она ничего не ела, Лида пыталась кормить ее с ложки, но ни кашу, ни бульон влить ей в рот не удалось. Все проливалось мимо, и Лида перестала пытаться. Несколько раз она давала тетке воды из поильника, несколько раз, преодолев отвращение, проделывала гигиенические процедуры. В ночь с четвертого на пятый день тетка, не приходя в сознание, стала хрипло постанывать.

– Теть Люб, а теть Люб! – тихонько позвала Лида.

– Ты что? Где болит? Открой глаза! Ты меня слышишь? Дим, встань-ка. Посмотри, что это с ней?

– Да-а. Что-то не то...

Лида постучала в дверь к соседке.

– Анна Егоровна! Что-то она похудела, по-моему. Чего делать-то?

– Знаешь что, Лид, вызывай-ка ты скорую. Они врачи все-таки. Может, чего сделают. Или в больницу заберут. Если помрет – то при них. А мы что можем – ничего.

Врач посмотрел. Пощупал пульс. Покачал головой.

– Куда ее забирать? Мы тут бессильны.

– Она умрет?

– А вы что, не видите сами? Это вопрос одного-двух дней, не больше.

Дима отвел врача в сторону. Сунул ему пятьсот рублей.

– Слушай. Отвези бабку в реанимацию. Может, укол какой ей назначат. Капельницу.

– Да не поможет ей ничего.

– На вот, возьми еще двести. Больше нету. Ну отвези, у меня хоть совесть будет спокойна, что все сделал.

* * *

Девятый день пришелся на середину рабочей недели, поэтому народу было гораздо меньше, чем на похоронах. Оставшись одни, Дима и Лида сидели за столом в комнате тети Любы и тихо разговаривали.

– Интересно, где же ее добро хранится? Я пока с ней си-

дела, потихонечку исследовала ее шкафчики – ни хрена не нашла. Нигде ничего нет. Ну там, статуэточка, вазочка. Ложки нашла старинные, похоже, серебряные – штук пятнадцать самых разных, с витыми ручками. Красивые. Но все не то. Ценностей нет.

– А сберкнижки нашла?

– Нашла. Две. На одной ее похоронные, на другой – пенсия.

– И все?

– Все. Больше ничего нет.

– А ты везде смотрела?

– По-моему, везде.

– Можно еще поискать.

– Давай поищем. Но где?

– А ты под кроватью смотрела?

Лида ошеломленно открыла рот.

– Димка, ты гений! Конечно! Где же еще!

Они с энтузиазмом взялись за старый массивный диван, который, казалось, за полвека стояния на одном месте прирос к полу. Когда, наконец, им удалось его сдвинуть, они увидели большой, покрытый толстым слоем пыли коричневый чемодан.

– Сейчас, погоди, дай-ка я его вытру. Дим, он просто неподъемный!

– Знаешь, замки заело. Пыль, наверное, забила. Тут молоток есть? Или хоть нож какой-нибудь?

– Да взломай ты эти замки дурацкие!

– Ну, зачем же. Потом оставлять его открытым? Мы же все сразу не утащим.

Лида нашла нож, протянула Диме.

– Такой пойдет?

– Во, давно бы так, – удовлетворенно сказал Дима, когда замки поддались и со щелчком открылись. – Ну, что, открываем?

Чемодан оказался забит стопками писем и открыток, перевязанных тесемками, альбомами старых фотографий, пакетами с фотографиями, не поместившимися в альбомы. Тут же находился старомодный несессер с какими-то флаконами, кисточкой для бритья и баночкой пудры или талька. Маленькая черная лаковая сумочка, в которой лежал старый пожелтевший рецепт на сульфидид, английская булавка и поблекший от времени смятый батистовый носовой платок, хранивший едва уловимый аромат духов, смешавшийся с запахом пыли. Кроме этого в чемодан сбоку был втиснут тряпичный мешок с серебряным ломом – несколько гнутых ложек, вилки без зубцов, деформированная, как будто на нее наступили, старая сахарница и сломанные щипцы для сахара.

Лида пришла в себя раньше мужа.

– Облом... Большой облом.

– Н-да-а-а...

– Да что же это такое, – вдруг сорвалась на крик Лида, –

прямо колдует кто-то против нас. Твоя Люба тоже хороша, издевается над нами!

– Лид!

– Что, «Лид»?! Целый чемодан хламу! Что ей стоило сказать тебе, где хранятся ее фамильные ценности! Раз уж она тебе все завещала, так почему не сказать, где это «все» находится. Что мы тут как воры или как бедные родственники должны рыскать!

– Ну вообще-то да...

– Но я не отступлю. Мы тут все перероем. Поняла? – угрожающе пообещала Лида, поглядев вверх на потолок. И повернувшись к Диме, решительно произнесла:

– Ты в шкафу смотри, а я в книгах.

* * *

– Лидка, пойдика сюда. Смотри, чего я нашел.

– Слушай, это же копия завещания. Ну-ка, ну-ка. Садись, давай читаем.

– Так. Я такая-то..., проживающая... настоящим завещанием делаю распоряжение... принадлежащее мне имущество – две картины художника Скворцова «Осенний пейзаж» и «Половодье»; фарфоровую статуэтку «танцующие девочки»; столовое серебро (шесть столовых ложек, три вилки, три ножа, пять чайных ложек); хрустальную вазу... книги... три пуховые подушки... завещаю Карганову Дмитрию

Алексеевичу.

Супруги смотрели то на завещание, то друг на друга.

– Погоди. Чего-то я не понял. Это что – завещание?

– Да нет, не может быть. Это, наверное, черновик какой-то. Дай-ка я посмотрю.

Лида взяла листок и стала внимательно его изучать.

– Дим, тут сказано, что это копия для завещателя, а оригинал хранится у нотариуса.

– Так, надо пойти к нотариусу и все выяснить – где завещание на комнату и на ценности. Может это две разные бумажки.

– Нет, Дим, просто твоя тетушка нас нагрела! Осенний пейзаж она мне оставила! Да на хрен мне этот пейзаж! Интересно, кому все досталось? Кто такой шустрый? Может, это нотариус ее обработал? Видит, старая бабка, одинокая, он ее и обчистил!

– Ну... Если так... Я ему морду набью! В суд пойду! Надо найти этого нотариуса, пусть скажет! Где этот чертов адрес?

* * *

Оригинал завещания, хранившийся у нотариуса, в точности соответствовал той копии, которую обнаружили супруги в книгах тети Любы. Ни о каких ценностях не говорилось ни слова, и никакого другого завещания, по всей видимости, не существовало. По крайней мере, этот нотариус ни о чем по-

добном не знал. Что касается самой комнаты, то она не была указана в завещании потому, что тетя Люба не приватизировала ее, и, следовательно, комната не являлась ее собственностью.

Лида была в бешестве. Дима был подавлен и угрюм. Он чувствовал себя неудачником, а главное – рушились такие планы! Он уже так привык мысли о новой квартире, машине, даже лидкиной шубе. Особенно, о машине. Он уже даже с кем-то из знакомых обсуждал, какую модель покупать.

– Это они все сглазили, – шипела Лида. – Позавидовали наследству. Теперь мы посмешище! «Осенний пейзаж»! Да чтоб ему пусто было! Я за ней ухаживала, ночи не спала. Простыни ее ссанные меняла! А она мне «осенний пейзаж», сука старая!

– Ну тихо, тихо, Лид. О покойнице-то!

– Да пусть слышит! Что мы ей плохого сделали, что она над нами посмеялась? Мы работаем с утра до ночи, денег нет, у нас вообще ничего нет. Что она, не знала? Почему не оставила нам свои богатства? С собой она, что ли, их взяла? Чертей задабривать?

– Ну, Лид!

– Что Лид! Ты тоже хорош!

– А что я-то?

– Расспросил бы ее сразу, что она тебе завещает, так мы бы хоть не надеялись, а то – двушка в Москве, машина! Вот тебе и прокатились!

– Да. Вообще-то...

– Выкину все, ничего мне не нужно из этого хлама! Похороны ей такие сделали! Гроб шикарный! У нас даже на памятник денег нет! Не будет ей никакого памятника!

– Ну ладно, Лидка, успокойся!

– Не могу успокоиться! Как вспомню... Все повыкидываю, к чертям, на помойку, эти книги клопные, этот пейзаж хренов! Подушки она мне пуховые оставляет! Да до них дотронуться противно, не то, что спать! Им уж полвека, небось, там весь пух истлел, да клещей пылевых тьма!

– Слушай... только не ори... А может, не было у нее никаких драгоценностей?

– Были! Понял?! Были у нее драгоценности! А вот где они, это ты должен был выяснить! Я тебе сколько раз говорила! «Не могу, не могу»! Вот и сидим теперь у пустого корыта.

* * *

– Лид! Можно?

– Чего вам?

– Да это я, Анна Егоровна.

– Вижу. Чего вам, Анна Егоровна?

– Да я вот смотрю, ты что за кучу в коридоре-то устроила?

Книги, картины.

– Это ненадолго. Мы все выкинем, не волнуйтесь. – Как это – выкинем?

– Да мне это все не нужно. Куда я это потащу?

– Ой. А книги-то хорошие.

– Ну и берите их себе.

– Правда, что ли? И почему?

– Да нипочем. Хлам этот продавать я буду что ли? За гроши?

– Ну, спасибо, возьму книжечки.

– Да все берите. И картины эти тоже. И подушки.

– Картины возьму, мне они всегда нравились, как я к тете Любе-то приходила. Возьму в память о ней.

– Берите, берите. И посуду всю, белье, что хотите. А остальное я на помойку снесу. Подушки берете?

– Нет, подушки, пожалуй, не буду. У меня свои хорошие, пуховые. Я уж к ним привыкла. Да мои-то и поновее.

– Тогда я эти выкидываю. Может, бомжи какие обрадуются.

– Конечно, обрадуются. Может еще и дворники их приберут.

– Да мне все равно, кто что возьмет.

Разбор тети Любиного наследства был недолгим. Все, что не взяла соседка, отправилось на помойку. Лида взяла только серебряные ложки и хрусталь, и то правда – не соседке ж их отдавать. Но она ненавидела это «наследство», «скорей загнать бы его хоть за сколько, глаза б не глядели».

Прошло лет семь или около того. Дима и Лида по-прежнему жили в пригороде, никаких перемен в их жизни не произошло, если не считать того, что Лида вышла на пенсию, а потом устроилась в частную клинику диспетчером – принимать вызовы по телефону. Эта клиника находилась в черте Москвы, но благодаря «маршруткам» дорога занимала минут двадцать пять-тридцать, и Лида была довольна – все же на людях, и деньги какие-никакие, и опять же – «в Москве, а не в нашем захолустье». Пожалуй, было еще одно событие – Дима приобрел-таки машину, старые «жигули», чуть ли не первой модели. Машина была в очень хорошем состоянии, на ней почти не ездили, потому что хозяин был стар, ветеран войны, купить – купил по льготе, а ездить боялся. Да и некуда было, не за хлебом же в соседний магазин на машине ездить. А после его смерти старуху дети к себе забрали, а машину – куда ее? У детей «фольксваген». Короче, кто-то из соседей свел Диму с этим сыном, который и продал ему отцову машину за символическую сумму, чуть ли не за три тыщи рублей. Дима был счастлив, а сын – тоже доволен, в хорошие руки отдал.

Однажды Дима после работы позвонил жене, давай, мол, я за тобой заеду и сходим куда-нибудь. Поехали они в центр. Пообедали в кафе недорого, на Пятницкой, потом решили

прогуляться немного.

– Тут Третьяковка где-то рядом, может, зайдем?

– Ты, что, заболел? В другой раз зайдем. Сейчас уж восемь скоро, какая Третьяковка!

– Да, захотелось чего-то. Давай хоть пройдемся, поглядим.

– Да ведь мы и так уж идем.

– А где ж она? Куда-то мы не туда свернули. Эх! Как же это я? Надо же! Забыл!

Неподалеку припарковалась большая темно-синяя иномарка, и из нее вышел мужчина в дымчатых очках.

– Слушай, не подскажешь, как к Третьяковке выйти? – обратился к нему Дима.

– Легко. Вот сейчас пойдете чуть назад, потом через дорожку...

– Спасибо тебе. А то давно не были, подзабыли малость.

– Ладно, ладно. Не задерживай человека, – вмешалась Лида. – Пойдем.

– Да нормально, чего там, – пожал плечами мужчина.

– Дим, тебе его морда не знакома?

– Чья? Парня этого? Откуда?

– Не знаю. Мне показалось, что я его уже где-то видела.

– Может по телевизору?

– Думаешь, актер какой-то?

– Актер не актер, может шоу какое. Сейчас их много по телевизору выступает.

– Может быть. А машина у него видел какая? Шикарная!

– Ну, начала свою песню. У нас тоже машина.

– Сравнил!

– А что? Прекрасно ездит, грех жаловаться.

– Знаешь, телега тоже ездит. Ладно, чего говорить без толку... Лида поджала губы и замолчала.

– Лид, бог с ней, с Третьяковкой. Знаешь, куда давай лучше заглянем?

– Куда еще?

– Ну, догадайся!

– Дима! Не проси! Я даже вспоминать не хочу!

– Лид, ну две минуты ходьбы. Мы уже дошли почти. Ну, интересно же.

– Мне не интересно. Что там смотреть? Чего ты там не видел?

Старый дом был отреставрирован и выглядел теперь, как настоящий особняк. Ухоженный двор был огорожен черным металлическим забором, ворота которого открывались автоматически только для тех, кто знал входной код.

Дима попробовал потрясти ворота. Тут же откуда-то появился охранник.

– Вы к кому? Записаны? Как доложить?

– Да мы ни к кому. У нас тут раньше тетка жила. Вот мы и...

– Отойдите, пожалуйста. Не стойте у ворот.

– Понимаете...

– Тут стоять не разрешается.

– Да мы...

– Отойдите в сторону.

– Да что ты с ним разговариваешь! Пошли отсюда! Вот не хотела же идти. Прямо ноги не шли!

В это время ворота начали медленно распахиваться.

– Смотри, смотри, Лид! Это же тот самый...

К воротам подъехала синяя иномарка. Сидящий за рулем мужчина приоткрыл окно:

– Ну что, нашли Третьяковку?

– Мы решили в другой раз...

– Понятно. А что вы тут-то делаете?

– Да мы вспомнили, что у нас тут тетка жила. Вот мы и решили... дом проведать.

– А она именно в этом доме жила?

– Да, на втором этаже. У нее была комната в коммуналке.

Тут ведь коммуналки были раньше.

– Да, я знаю.

– А сейчас туда можно попасть?

– А вам это для чего?

– Ну, так, ни для чего. Просто для памяти.

– Боюсь, это невозможно. Тут другие владельцы. Счастливого вам.

Синяя машина проехала во двор, и ворота тут же начали закрываться.

– До свидания, – вслед ей медленно произнес Дима.

– Что, не пустили? – рядом с ними оказалась невысокая пожилая женщина с маленькой дворняжкой на поводке.

– Да у нас в этом доме родственница жила. Вот мы и хотели на дом посмотреть.

– Давно жила-то?

– Да как сказать. Всю жизнь.

– А сейчас-то жива?

– Не-ет, она умерла семь лет назад.

– А-а, давно уже. Тут года четыре все ремонт делали. Такой ремонт отгрохали, все здесь поменяли...

– А куда жильцов подевали?

– Да там старики в основном жили-то. Большинство умерли, остальные кто куда, все переехали, а что было делать? А потом вот стали капитальный ремонт проводить. Тут все новое, трубы, проводка. Только стены старые.

– Ничего себе! Даже не верится, что это тот самый дом. Тут раньше все иначе было. У входа, помню, две скамейки стояли. Такие облезлые. А в подъезд войдешь – всегда темно и пахнет сыростью.

– Теперь не пахнет. Тут такие люди живут, будь здоров!

– Олигархи?

– Вроде того. Не бедные. У них квартиры по двести метров. А на первом этаже у них общее владение. И вроде как рабочие помещения. Офисы.

– А кто они по профессии?

– А шут их знает! Бизнесмены.

– А вы тут где-то недалеко живете?

– Да вот мой дом, я тут всю жизнь прожила.

– А вы не знаете, кто этот мужчина?

– С которым вы сейчас разговаривали? Так это один из жильцов.

– Да что вы! Ну надо же!

– А я думала, вы его знаете, раз он остановился и с вами поговорил.

– Да мы у него дорогу в Третьяковку спросили. Он объяснил. А мы в Третьяковку не пошли, а решили на теткин дом взглянуть, раз уж мы рядом оказались. А тут он подъехал. Узнал нас и спросил: нашли Третьяковку? Вот и весь разговор.

– Да он вообще-то мужик неплохой. Не зазнался. Я-то его давно знаю, когда он еще бедный был, как мышь.

– Да?

– Ну, как же. У него история интересная. Он приехал из Кремнегорска. Откуда-то с Алтая. Или еще откуда. Не помню точно. Поступил в институт. А денег-то нету. На стипендию не проживешь. Родители присылать не могут. У самих ничего. Стал он работу искать, а какая работа, когда он в дневное время учится? Он парень такой был, правильный, учебу пропускать не хотел. И вот он устроился дворником как раз в тот дом. Жил там в каморке, но зато не платил за квартиру. Утром вставал, подметал и бегом в институт. Зимой тяжелее было, если снегу много. Но тянул свою лям-

ку, старался. И вот однажды, он уж на четвертом или на пятом курсе был, нашел он на помойке кучу вещей хороших. И среди них – три подушки пуховые. Он сначала обрадовался. Говорит – буду спать теперь, как барин. А подушки старые, трухлявые, он рассказывал – ночь поспал, все щеки себе исколол, перья что ли, говорит, оттуда торчат и колются. Хотел он эту подушку взбить как следует, а она возьми да лопни! А из нее – ни за что не догадаетесь! – камни драгоценные посыпались! Представляете? Целая подушка камней! Перстни, бусы, чего там только не было! Он сначала вообще ничего не понял, потом в себя пришел, камни собрал в мешок, подмел, убрал, пух весь старый выкинул. И думает – интересно, а во второй подушке есть что-нибудь? Распорол аккуратно – а там монеты золотые, старинные. Тогда он и третью подушечку вскрыл. Там были бумаги – облигации, векселя какие-то, документы – бог его знает что, но тоже ценности. Ну, уж как он этим распорядился – я не знаю, мне он не докладывал. Но, наверное, правильно распорядился, если в таком доме квартиру купил...

* * *

Лида всю дорогу молчала. Дима, с одной стороны, был рад – он-то ожидал большого скандала. С другой стороны, это было так не похоже на Лиду, что он даже забеспокоился. Он поглядывал на нее, но она, казалось, вообще не замечала его

присутствия.

– Лид, ты это... тебе не дует? Может, поднять стекло?

– Лид, чего ты молчишь, а? Ну, скажи что-нибудь.

– Лида, Лид! Ты что, не хочешь говорить? Ну, ладно, нет – так нет.

Лида нахмурившись, неотрывно смотрела куда-то вдаль сквозь ветровое стекло, словно обдумывая какое-то важное дело. Дима решил больше не дергать ее, раз эта история произвела на нее такое действие. До самого дома она не проронила ни слова. Также молча она зашла в квартиру.

Дима зашел в туалет, помыл в ванной руки, потом зажег свет на кухне, поставил чайник греться и пошел переодеваться в домашнее. В комнате он обнаружил Лиду недвижно стоящей перед зеркалом в плаще, в туфлях, с сумкой в руке.

– Лид, ты из-за этих подушек так расстроилась? Ну не переживай ты так, ну что ты в самом деле! Нам и без них хорошо. У нас все есть, Лид, живем не хуже других. Шубу тебе новую купим, хочешь?

У них в семье нежности были не в ходу. Дима неловко взял жену за плечи и легонько потряс.

– Ну, отомри, Лид, Лида! Пойдем чаю попьем!

И тут началось такое! Лиду затрясло крупной дрожью, и она завывала тоненьким голоском: у-у-у-у!

Дима уставился на нее

– Ты чего, Лид?

Ему даже не по себе как-то стало, он никогда не видел,

чтобы кто-то так выл.

– Ну, перестань, ты чего это вздумала? Кончай выть-то!

Лидин вой постепенно перешел в смех, словно она сама над собой надсмехалась. Скоро он превратился в хохот, который она никак не могла унять. Ей не хватало дыхания, смех стал похож на икоту, и потом вдруг оказалось, что это уже плач. Дима стоял в ужасе и не знал – хохочет она или рыдает. И что ему делать, как это прекратить. Он никогда в жизни не видел истерики и испытывал страх, к которому примешивалось смутное отвращение. А потом стало еще хуже – Лида стала кулаками бить себя в грудь с такой силой, что могла причинить себе серьезные увечья. Бормоча «Да что же это такое, господи». Дима набрал номер скорой помощи. Он заметил, что его рука дрожит.

Скорая приехала минут через десять. Дима, бледный, открыл дверь. В это время послышались глухие удары.

– Что это? – спросил врач.

Дима развел руками:

– Я не знаю.

Врач бросился в комнату. Лида билась головой об стенку. Удары были такой силы, что в одном месте даже образовалась вмятина.

– Держите ее. Можете?

– Не могу. – Дима попытался держать Лиду, но она была вся потная, скользкая и вырывалась с такой силой, что Дима чуть не упал. – Не могу. У меня не получается.

В дверь позвонили.

– Откройте. Это моя медсестра.

После некоторой борьбы сестре удалось сделать Лиде укол.

– Сейчас подействует. Она успокоится и уснет.

Минут через двадцать, когда Лида уже спала, Дима в общих чертах рассказал врачу о стрессе, который вызвал такую реакцию.

– Знаете, тут и впрямь свихнешься, – сказал врач.

– А раньше она на что-нибудь так реагировала?

– Никогда. Она могла ругаться. Скандальить. Но такого никогда не было.

– Понятно. Ну, теперь чуть что – ждите такого же приступа истерии. Так что старайтесь не доводить ее.

– А завтра что мне делать?

– Надо будет вашего врача вызвать. Пусть понаблюдает. Давление, сердце, общее состояние. Я сам сделаю вызов. Если будет опять буйствовать, вызывайте скорую психиатрическую. Но я думаю, это не потребуется. А сейчас она будет спать. Вы тоже отдохните. Может и вам укол сделать?

– Нет, мне не надо. Но я, знаете ли, здорово перетрухал.

Постепенно Лида пришла в норму. Через три недели ее выписали на работу.

Однажды Дима вернулся с работы и обнаружил, что Лида дома.

– Ты что, сегодня раньше освободилась?

– Я сегодня работала дома.

– Да? – что-то в ее тоне насторожило Диму. – А что ты делала?

– Пойдем, увидишь. – Лидин взгляд был одновременно веселым и злым.

Дима прошел за ней. Вся комната была в пуху. Горы пуха и перьев были на полу и на столе. На кровати валялись взрванные подушки.

* * *

После двух лет лечения в клинике Лиде разрешили вернуться домой при условии, что каждые полгода она будет проходить профилактическое обследование. Несколько лет все было нормально. Она не работала, получала пенсию как инвалид второй группы. Жили Лида с Димой тихо и уединенно, денег им хватало, да и какие у них запросы? Дима старался не вспоминать о болезни жены и о том, чем она была вызвана.

Когда их неожиданно пригласили в гости к родственникам на юбилей, Дима обрадовался.

– Давай сходим, Лидок. Давно нигде не были. Поедим вкусно.

Лида отнеслась к предложению без радости, но согласилась пойти. Что спровоцировало ее срыв – трудно сказать. Возможно, хорошо обставленная квартира, недешевый инте-

рьер кухни и ванной, общая атмосфера материального благополучия – все это иглами вонзилось в болевые точки дремлющего Лидино мозга, и застоявшаяся давняя неудовлетворенность, вскипев, потребовала бурной эмоциональной разрядки.

После этого срыва Лида уже навсегда осталась в клинике. Дима размеренно живет один, готовит себе обеды и раз в неделю навещает жену.

* * *

Подробности этой истории, словно по некоей негласной договоренности, у нас стараются не обсуждать. А вот байка про три подушки – жива. Она всегда имеет успех у слушателей, запоминается, переходит от рассказчика к рассказчику. А уж повод вспомнить ее в таком большом семействе, как наше, находится часто.

3. Наследство

Ася старалась не смотреть на часы или, по крайней мере, делать это пореже. Она уже знала, что чем чаще будешь на них смотреть, тем медленнее будет идти время. Поэтому она предпочитала, чтобы восемь часов настаивали неожиданно. Тогда Ася быстро соберет свои вещи – сумку, целлофановый пакет, не забудет сотовый телефон. Кошелек. И скажет:

– Ну что, тетя Ксения? Я пойду?

– Да, конечно. Иди. Ты и так со мной столько времени проводишь.

– Тетя Ксень, смотри, вот здесь чашка с чаем, сможешь взять сама?

– Конечно, смогу.

– Здесь просто вода, если пить захочется. Вот салфетки, руку протянешь – и сразу их нащупаешь. Запомнишь, тетя Ксень?

– Да, конечно.

Ася помоеет руки, позвонит по телефону подруге. Той, как обычно, не будет на месте или она будет занята. «Ну ладно, в другой раз», привычно вздохнет Ася.

– Ну, все, тетя Ксения. Я поехала.

Но не тут-то было. Когда Ася уже будет у двери, раздастся слабый голос тети Ксении.

– Асенька, ты ушла?

Ася со вздохом вернется в комнату.

– Что случилось, тетя Ксень?

– Я подумала... хотя... ладно, ничего. Не надо, я потерплю...

– Что ты хотела, тетя Ксень?

– Да нет, ничего.

– Ну скажи, пока я не ушла.

– Да я не хочу тебя задерживать. Ты же торопишься.

– Тетя Ксения, ты хочешь в туалет?

– Нет. Я хотела попросить... ты мне не дашь яблочко? Так вдруг захотелось...

«Так, сегодня яблочко. В прошлый раз был глоточек компотика. А еще раньше – пара ложечек каши». Подобные сцены повторялись практически каждый раз, когда Ася уже готова была уйти. Ася обреченно скинула куртку, молча пошла к холодильнику, достала яблоко, помыла его, вытерла. Начала счищать кожуру.

– Не надо чистить, Асенька. Просто порежь на дольки.

Ася нарезала яблоко на дольки, поставила блюдо на столик у кровати.

– Вот яблоко, тетя Ксения.

Старческая рука с рельефно проступившими венами и искривленными пальцами безошибочно нащупала одну дольку.

– Ой! Какая толстая шкура! Что за сорт?

– Я не знаю, тетя Ксения. Но, по-моему, нормальная штука.

– Не-ет. Очень толстая и жесткая. Есть невозможно. Наверно, все же лучше почистить.

– Но я ведь хотела, а ты сказала не надо!

– Я просто стеснялась тебя затруднять, думала – так сойдет. Но видишь, не получается!

Ася, сдерживая раздражение, взяла нож и очистила все дольки от кожуры.

– Вот, тетя Ксения, теперь можешь есть.

– Асенька, а если на терочке потереть? Мне так легче будет жевать. Сделай мне пюре из яблочка в плошечке.

Тетя Ксения вдруг начинала вести себя, как маленькая девочка – говорила тоненьким капризным голосочком, и все слова употребляла с уменьшительноласкательными суффиксами. Ася пошла на кухню, сделала пюре и принесла старухе.

– Тетя Ксения, тебя покормить?

– Покормить.

Одна ложка, вторая...

– Подожди-и. Дай мне прожевать.

– Что там жевать-то! Это же пюре.

– Я не могу так быстро. Я же должна проглотить!

– Глотай.

Тетя Ксения мусолит пюре во рту и делает глотательное движение, затем открывает широко рот в ожидании следующей ложки. Ее язык и уголки губ испачканы быстро заржа-

вевшей яблочной кашцей. Ася, преодолевая брезгливость, вытирает ей рот большой белой бумажной салфеткой, которую тут же бросает в мусорный пакет.

– Зачем выкинула? Еще вполне чистая салфетка, – говорит, чавкая яблоком, тетя Ксения.

– Ничего. Я другую возьму.

– Зачем же тратить столько салфеток!

Ася промолчала. Наконец, тетка закрыла рот и увернулась от очередной ложки.

– Все, больше не хочу. Но это не выкидывай. Я потом до- ем.

Ася знала, что яблоку суждено прокиснуть, как и всему, что тетка не разрешала выбрасывать сразу и оставляла на потом. Но Ася предпочитала не спорить. Она молча унесла пилку с остатками пюре на кухню и поставила ее в холодильник на полку. «Все, не могу больше. Если не уйду сейчас, то сохну тут. Или ее придушу». Зайдя в комнату, Ася ощутила характерный дух, который стремительно пропитывал все воздушное пространство комнаты. «Господи, нет, только не это!» мысленно простонала Ася.

– Тетя Ксения?

Старуха смотрела на нее виноватыми глазами.

– Я не знаю, как это случилось... Я не успела ничего понять.

– Ну, я же тебя спрашивала – ты хочешь в туалет?

– А я тогда не хотела. Это, наверное, яблоко подейство-

вало.

Содрогаясь от отвращения, Ася стала натягивать резиновые перчатки.

Спустя полчаса Ася запустила стиральную машину, тщательно вымыла руки три раза, ополоснула перчатки раствором хлорамина, потом все же решительно выбросила их в мусорный пакет.

– Ну, все тетя Ксения, я убегаю.

– Ася, спасибо тебе. Не сердись на меня.

– Да что ты, тетя Ксения. Я на тебя не сержусь.

– Не сердись, Ася. Не сердись. Думаешь, я не понимаю, как тебе противно со мной, старухой мерзкой, возиться. А мне какво – мне ведь тоже тяжело во всем от кого-то зависеть. Я же не виновата, что так долго живу и превратилась в беспомощную развалину, всем вам обузой стала.

Тетка заплакала, у Аси тоже защипало в глазах, и ей стало стыдно. Она начала уговаривать старуху успокоиться, уверять ее, что она никому не обуза, что ее все любят и все в таком духе. На это ушло еще полчаса, потом, наконец, умиротворенная тетя Ксения сказала «ну ступай, ступай, спасибо тебе. И так уж задержалась, у тебя же еще дела. Тебе еще добираться. Иди, детонька».

Так происходило каждый раз. Ася подозревала, что тетка специально устраивает эти фокусы «я опять оскандалилась», пытаясь таким образом отдалить момент Асиного ухода. В результате Ася уходила вместо восьми в десять, добиралась

домой к одиннадцати, и первым делом залезала под душ – отмокать от въевшихся в кожу тети-ксениных запахов. Потом шла на кухню, доставала из холодильника какую-нибудь еду, наливала чай. В это время из своей комнаты появлялась мама в халате.

– Ну что там, Ась? Как она?

– Там все, как всегда. Без изменений.

– Ей не лучше?

– Ей не лучше. И не хуже.

– Что ты так поздно?

– А ты попробуй, уйди! Я уже собралась, но пришлось ей тереть яблоко, потом опять мыть... – Ася содрогнулась и с трудом проглотила кусок колбасы.

– А ты бы сказала, что тебе надо уйти в восемь.

– Я говорила. А она плачет, говорит, что она всем обуза, и все такое. Мне даже ее жалко.

– Конечно, жалко. Не дай Бог вот так оказаться на старости лет, беспомощной, зависимой...

– Вот и она так говорит. Мам, может, ты бы как-нибудь ее навестила. А то все я да я...

– Да, надо будет. Но знаешь, я боюсь, что у меня опять повысится давление, и представляешь, что будет, если я слягу с кризом... Правда, у меня есть ты. Хорошо иметь дочь!

– Вообще-то, мам, у тебя две дочери...

– Ну, на Татку я не рассчитываю. Она ничего не умеет.

– Ничего. Научится. Я же научилась. Не боги горшки...

– Нет, она не будет.

– Почему, мам? Ты ее всегда ограждаешь от жизни. Что она, королевской крови? Она такая же, как я.

– У нее ребенок маленький.

– Ну и что? Тем более, она должна все уметь.

– Ася, почему ты всегда нападаешь на Татку?

– Я не нападаю, просто ты по-разному относишься к ней и ко мне. Я должна все, а она ничего.

– Глупости! Просто ты старшая.

– Мама! У нас разница в три года. Когда она родилась, мне говорили – ты большая. Тебе уже три года. Ты должна все понимать. А когда ей было три, ты говорила мне – она же маленькая, ей всего три годика. Ты должна уступать.

– Ну ладно, Аська, не заводись. Хочешь, я тебе курицу погрею?

– Ну, какая курица ночью?

– А ты днем что-нибудь ела?

– Мам, как ты думаешь, где я могла есть днем?

– Ну, сготовила бы себе что-нибудь.

– Мне там ничего в глотку не идет. Я там даже воды не пью.

– Почему?

– А ты приди и узнаешь.

– Но нельзя же целый день не есть.

Тетя Ксения была старшей сестрой Асиной бабушки Аглаи, маминой мамы. Видя, как тяжело приходилось сест-

ре с дочерью Ольгой – Асина мама в детстве много болела, – Ксения не слишком переживала из-за того, что была не замужем. Напротив, ей даже нравилось, что она никому ничего не должна и может делать все, что захочет. «Я одна, обо мне некому позаботиться», – часто повторяла она и заботилась о себе сама. Другой ее любимой фразой было «Ну могу я позволить себе хоть какую-то радость?» В ее холодильнике постоянно водилась красная рыбка, сырокопченая колбаска и прочие деликатесы, трудно «доставаемые» в советский период. Сестра жалела ее – ведь у нее ни мужа, ни детей! А Ксения, разъезжая по курортам и санаториям, жалела Аглаю и ее мужа, видя, как те еле сводят концы с концами и отказывают себе во всем ради дочери. Наконец Оля выросла, окончила институт, вышла замуж. С деньгами стало полегче – Оля нашла хорошую работу, да и муж ее неплохо зарабатывал. Появились на свет две внучки – Ася и Тата. Аглая вышла на пенсию, чтобы сидеть с внучками, потому что дочь не хотела терять деньги из-за долгого перерыва в работе. Фактически девочки выросли на руках бабушки. Ксения довольно часто приходила в гости, приносила подарки, но не любила возиться с детьми и не знала, о чем с ними разговаривать. «Девочки, а вам не пора спать?» часто спрашивала она, когда начиналась шумная беготня. Особенно она утомлялась, если в гостях были еще дети, и шум удваивался, утраивался и становился невыносимым. Она не понимала, как родители могут спокойно относиться к тому, что дети не

сидят смиренно, а бегают, топочу г. хохочут, кричат, трубят и каждую минуту хотят то пить, то есть.

Впервые Ксения испугалась одиночества, когда у нее случился микроинсульт. После этого она стала бояться уезжать надолго, поздно возвращаться, начала соблюдать диету, режим и вообще беречь себя пуще прежнего. Часто у нее возникала паника при малейшей головной боли, и она звонила Аглае – приезжай, мне плохо. Аглая срывалась и летела к сестре, потом выяснялось, что ничего страшного, надо было просто принять лекарство. Аглая после этого возвращалась домой с тахикардией. Когда в очередной раз Ксения позвонила в полдвенадцатого ночи, Геннадий, муж Аглаи, сказал, что нужно не Аглаю вызывать, а врача, который сделает за-сол и даст лекарство. А Аглае он ехать не позволит, потому что она сама неважно себя чувствует, и он не хочет, чтобы она свалилась с инфарктом после такой поездки. Ксения была страшно обижена, даже возмущена, но ей пришлось смириться.

Шло время. Внучки выросли. Взрослые старели. У бабушки Аглаи болели ноги, сердце и печень. Мама Оля, войдя в климактерический период, мучилась от скачков давления. Когда Ася была на втором курсе, умер дед. Ольга убедила мать, что им надо съехаться, поскольку ездить к ней ежедневно она не могла. Ольге и ее мужу удалось найти хорошую четырехкомнатную квартиру в своем же районе и обменять на нее две двухкомнатных – свою и Аглаину. Ася, правда,

предпочла бы другой вариант – например, найти трехкомнатную и однокомнатную. Она бы с удовольствием переехала бы в однушку и жила бы самостоятельно. Но такой вариант не обсуждался, ее никто не спрашивал, а сама она не посмела об этом заикнуться. Поэтому теперь в четырехкомнатной квартире жили родители, бабушка Аглая, Ася и Тата.

Тате не было и двадцати, когда она вышла замуж. Первое время молодые жили в квартире родителей мужа, потом в Татиной комнате. Но это было крайне неудобно для всех – для бабушки, для родителей, для Аси и, конечно для самих молодоженов. Когда у тети Ксении случился второй микроинсульт, Тату осенила идея – пусть тетя Ксения переедет к ним в квартиру и займет ее, Тати-ну, комнату. А она с мужем переедет в тети-ксенину двухкомнатную. Нельзя сказать, что Ольгу и ее мужа этот вариант порадовал. Ася была категорически против. Аглая же считала, что это дельное предложение и готова была ухаживать за сестрой, не понимая, что силы у нее уже не те и что основная нагрузка по уходу ляжет на Ольгу и на Асю. Тетя Ксения, несмотря на свое плохое самочувствие, отнеслась к этому предложению без воодушевления. Она привыкла жить одна, и ей совсем не хотелось менять свои привычки и свою свободу на большую семейную коммуналку. Она обещала подумать. Тата была уже на четвертом месяце беременности, а тетя Ксения все еще думала. Через два месяца Тата прямо сказала ей, что хватит тянуть, пора переезжать, так как в квартире необходи-

мо сделать ремонт до рождения ребенка. Тетя Ксения так разволновалась, что у нее случился третий инсульт, уже не «микро», а полновесный, обширный, с нарушением речи и двигательных функций. И ее забрали в больницу. Через месяц у нее полностью восстановилась речь и сознание, но ноги оставались парализованными. Ходить она не могла. Больница отказалась ее держать дольше положенного срока и посоветовала определить ее в дом престарелых, но Аглая не могла пойти на это. Она плакала и умоляла дочь не поступать так с теткой. Тетя Ксения в свою очередь не просто плакала, а рыдала, и заклинала своих родственников позволить ей умереть «в своей квартире на родном матрасе». Тате с мужем совместными усилиями двух семей сняли квартиру. А на Асю, которая после окончания института еще не нашла ни работу, ни мужа *«Асенька, ну ты же совершенно свободна!»*, была возложена благородная миссия по уходу за тетушкой.

Однажды, вернувшись как всегда в полуживом состоянии домой после своей десятичасовой вахты, Ася застала дома родственников, с которыми Аглая и ее покойный муж всегда близко дружили.

– Теть Зой, дядь Жень!

– Ну, наконец-то! Асенька, моя девочка, иди, я тебя поцелую!

– Здравствуй, тетя Зочка!

– А мы уже заждались! Весь чай уже выпили! Думаем, где же Аська загуляла!

– Дядь Жень! Какое там загуляла! Я вообще никуда не могу... Я целыми днями...

– Ася! Не надо жаловаться.

– Мама, я не жалуясь. Я просто рассказываю. Это что, тайна? Позор?

– А что случилось?

– Да просто Аське сейчас приходится помогать тете Ксении. Она болеет и...

– Мама, позволь я скажу. У тети Ксении инсульт. И она лежит, не встает. И у нее очень испортился характер. А может, это уже возрастное. Или тоже последствия инсульта. Короче, я больше уже не могу, понимаете? Я почти ежедневно у нее с утра до вечера, одна. Я все там делаю. Я ее мою. Кормлю. Она постоянно капризничает. Все забывает. Она меня изводит, понимаете? Я там не могу есть, брезгаю. Ничего не могу с собой поделать. Мне противно. Меня тошнит. И я целый день голодная. Я никогда не ухаживала за больными, я не умею это делать. Но я все равно делаю. А она говорит – не так. Иначе. Все плохо. Но я не медсестра, понимаете? И я устала. Я даже с подругой не могу встретиться уже сколько времени. А вы говорите – загуляла! – Ася залилась слезами.

– Ася, Ася, успокойся! Ну не плачь, моя детка!

– Теть Зой, я не жалуясь, я просто говорю, что я устала!

Ольга попыталась образумить дочь.

– Ася, ты пойми, что кроме тебя...

– Кроме меня, мама, есть еще родственники у тети Ксе-

нии. Но кто-нибудь из них хоть один раз у нее был? Ася встала из-за стола, всхлипывая.

– Сейчас я вернусь. Приведу себя в порядок и приду. Не уходите, ладно?

– Нет, нет, Асенька. Не беспокойся. Мы тебя подождем.

Аглая сидела молча, но видно было, что она переживает за сестру и за внучку. Она смотрела на всех тревожными глазами, боясь, что разногласие выльется в ссору. Зоя, ровесница Аглаи, всегда отличалась активной жизненной позицией. И в старости эта черта ее характера осталась неизменной. Она похлопала Аглаю по руке – мол, не нервничай. Все в порядке. И обратилась к Ольге: – Слушай, Ольга. А что, действительно, кроме Аси, некому ухаживать за Ксенией?

– А кому? Мама не может. У меня давление. У Татки – ребенок грудной.

– Ну, хорошо. А нанять сиделку?

– Это очень дорого. И потом мы уже пробовали. Но она не выдержала, ушла.

– Не выдержала чего?

– Тети-ксениных капризов.

– Оль, ну ты меня удивляешь. Сиделка не выдержала, ушла. А девчонка двадцати трех лет должна выдерживать?

– Просто тетя Ксения не любит чужих. И она может создать такие условия, что чужой человек не будет это терпеть.

– Да, я это уже поняла. Но знаешь, у нее нет выбора. Пусть приструнит свой характер. Не хочет чужого – останется одна

со своими капризами. Надо побережь Аську тоже.

– Да я же не собираюсь от нее отказываться, – Ася уже вернулась к столу. – Я просто не могу все время одна за ней ухаживать. Пусть кто-нибудь еще.

– Надо договориться с сиделкой.

– А где ее найти?

– Оля, что за детский сад! Многие нянечки и санитарки готовы подрабатывать сиделками. Они умеют и мыть, и кормить и все прочее.

– А сколько они берут?

– Ну, я не знаю, по-разному. Поинтересуйся. Это конечно, не дешево. Но другого выхода нет.

– Боюсь, мы не потянем.

– Что значит – не потянем?

– Ну, мы же еще Татке помогаем. И Ася не работает.

– Скажи, пожалуйста, Ксения пенсию получает? Вот эта пенсия и пойдет на оплату сиделки. Не хватит – остальное добавишь. А Аська пусть лучше себе работу хорошую ищет и сама для себя зарабатывает.

Ася благодарно посмотрела на родственницу.

– Вот и все. И не надо откладывать. Надо заняться этим немедленно. Хочешь, я сейчас позвоню в любую больницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.